

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Владимир ПОСЕЛЯГИН

ДИТЁ ДВОЙНОЙ УДАР

Что ждет мир с его появлением?

Владимир Геннадьевич Поселягин
Дитё. Двойной удар
Серия «Дитё», книга 2
Серия «Современный
фантастический боевик»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17328261

В. Г. Поселягин. Дитё: Двойной удар: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2016

ISBN 978-5-17-095307-3

Аннотация

Новый мир, время татаро-монголов. Крымское ханство, Русь – везде отметится со своей жёсткой непосредственностью Артур. У него появятся друзья, деньги и слава. Что же ждет его дальше? Вернее, что же ждет мир с его появлением?

Содержание

Пролог

5

Конец ознакомительного фрагмента.

124

Владимир Поселягин

Дитё: Двойной удар

© Владимир Поселягин, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Автор, то есть я, за помощь в написании книги благодарит: Сергея «Уксуса»; Сергея «Мозга» Павлова; Кристин-Алису; lerner; dobryiviewer и многих других, кто искренне помогал мне на форумах Лит Островка и СамИздата.

Всем большое спасибо. Также благодарю Издательский Дом «Ленинград» – без вас книга бы не вышла.

Пролог

Боль в спине и ногах заставила меня очнуться. Как ни странно, чувствовал я себя нормально, и поэтому, пружинисто вскочив, осмотрелся, не обращая внимания на явно обожженную солнцем спину.

Степь, меня со всех сторон окружала степь. Увидев пожелтую траву, я определил время года как середину лета. Ничего не понимаю, где городские трущобы Нью-Йорка? Где преследователи? Последнее, что помню – это как подорвал себя. Бред про рай я не воспринимал серьезно. Еще раз осмотревшись, осторожно ступая босыми ногами, направился в сторону леса, видневшегося вдаль, по ходу движения разглядывая себя. Я был совершенно раздет, и больших отличий с последнего раза в теле не нашел, хотя оно было мое и, судя по всему, осталось четырнадцатилетним. Размышляя на ходу, я шел неспешным шагом, стараясь уберечь ноги. Вытряхнув все мысли из головы, сосредоточился на выживании, и хотя путь до леса занял у меня почти три часа, шел осторожно, высматривая опасность, и готов был скрыться в густой – мне по пояс – траве. Зайдя под деревья, облегченно вздохнул, шевеля мускулами на спине, неловко выгнул руку и провел ладонью по коже спины.

М-да, на спине теперь можно яичницу жарить! – такая она была горячая.

Пройдясь по опушке, я сорвал десяток листьев подорожника и, протерев их рукой, аккуратно прикрепил к спине. Не знаю, поможет или нет, но пусть будут. Другого все равно ничего нет. Однако стоило сделать несколько шагов в сторону, как подорожники начали осыпаться. Плюнув на них, я пошел дальше. Лес оказался не большим, километра в три шириной, но зато так остро мучившую жажду я смог утолить в найденном роднике.

Подойдя к противоположной опушке и не выходя на открытое пространство, стал осматриваться. И вдруг заметил невдалеке тянущийся вдоль леса тонкий дымок от костра.

Бесшумно отступив обратно в лес, лавируя между деревьями, направился в ту сторону, по пути изумляясь чистоте опушки. Никаких тебе бумажек, бутылок и другого мусора, неужели я где-то в другой стране?

Путь до костра занял минут сорок. Тихо выйдя к опушке, всмотрелся в сидящих и лежащих у костра людей.

Увиденное меня изрядно озадачило. Там были татары, причем как будто снимали фильм про монгольское иго. Невдалеке паслись низкорослые кони в количестве семи штук.

Пересчитав людей, обнаружил, что их пять. Быстро оглядевшись, я не обнаружил ни кинокамер, ни людей в нормальной одежде. Вывод был один: я опять провалился во времени. Но не это меня удивило, а то, что нет часового. Неужели они так уверены в своей безопасности?

Часовой все-таки был, он сам себя обнаружил, когда заорал что-то по-татарски. К моему удивлению, часовой, довольно молодой парнишка, сидел на самой верхушке ближайшего дерева. О чем-то поговорив со старшим, часовой продолжил бдение. Я с облегчением перевел дух, парнишка сидел на ветке спиной ко мне и лишь изредка кидал взгляд назад. Похоже, он меня так и не заметил.

Тут старший встал и, почесываясь, направился к спавшему немного в стороне человеку, который был закрыт от меня телом одного из татар. Подняв его, главарь позволил немного рассмотреть пленника – то, что это пленник, было видно по связанным рукам. Поставив пленника в коленно-локтевую позу и задрав у него рубаху, оголив ягодицы, татарин развязал завязки своих штанов и мощным толчком вошел в пленного.

Судя по ленивым взглядам, бросаемым на парочку, и молчавшему пленнику, это уже проделывалось не раз. Когда насильнику надоела эта поза и он мощным движением перевернул пленника на спину и, разрезав веревки, стянутые на руках, снова навалился на жертву, я понял, что это девушка. По груди, которую грубо тискал насильник. Девушка продолжала молча сносить насилие, стиснув зубы. Вскоре на девушку залез следующий, и я отступил в глубь леса. Время пока не пришло, нужно подождать захода солнца.

Жалеть я их не собирался, помнил рассказы учителя истории о бесчинствах татар на нашей земле. Не спуская глаз

с часового, контролируя его боковым зрением, я устроился ждать ночи, надеясь, что раньше они не сорвутся с места.

Пока было время, пытался обдумать, куда я попал. Судя по всему, куда-то в глубокое прошлое, но куда? После некоторых раздумий решил оставить эту проблему на потом. Узнаю позже.

Перед самым закатом часовой слез с дерева и больше на него не залезал. Подойдя к девице и тоже поимев ее, он завалился спать рядом с товарищами. На пост заступил другой молодой татарин и, взяв короткую пику, стал неторопливо прохаживаться.

Бросаться на них с голыми руками я не стал, а тихо подползя к ближайшему, замирая от любого шума, аккуратно вынул нож из лежащих рядом с татаринком поясных ножен. Потом осторожно достал саблю. Хлопнул по щеке спящего, и как только он открыл глаза, всадил ему нож прямо в сердце. Так же тихо я прошелся по остальным.

Часовой, в это время отошедший к лошадям, шелестя травой, возвращался. Я ждал его на середине пути и, неожиданно вскочив из высокой травы, нанизал на саблю по самую рукоятку. Часовой умер не пикнув. Посмотрев в сторону стреноженных лошадей, которые только сейчас почуяли кровь и чужого и насторожились, прядая ушами, направился обратно к лагерю, думая, что хорошо, что догадался подобраться с подветренной стороны и кони меня не почуяли.

Собрав все оружие и раздев убитых до исподнего, не подходя к спящей пленнице, завалился спать – утро вечера мудренее.

Проснулся я рано, еще не полностью встало солнце. Пошевелил лопатками – спина давала о себе знать, – откинул халат, которым укрывался, и, зевая, встал. Вонь от одежды сильно была по обонянию, что заставляло меня морщиться.

«Хрен я эти тряпки надену. Если только после стирки!» – подумал я.

Потерев руками лицо, быстро осмотрелся, убитые продолжали лежать там, где я их оставил.

Стал открывать мешки, рассматривая, что в них. Первым сюрпризом были новые ЧИСТЫЕ штаны, которые я немедленно натянул. Найденная рубаша не блистала новизной, но была чистой и явно стиранной.

Полностью одевшись и разобравшись со всеми завязками, я подобрал себе обувь по ноге, повезло, что один из татарчат имел такой же размер.

Осмотрев все сабли, разочарованно вздохнул, хороших не было, все они оказались сделаны из плохого железа, но, поскольку выбирать не из чего, я под правую руку нацепил саблю предводителя, а под левую ту, что получше.

Выбор ножей тоже был недолгим, один из них прекрасно подходил под метательный, другой – изогнутый кинжал – к моему удивлению, был с довольно неплохим лезвием. По

местным временам дорогое оружие, нож тоже принадлежал предводителю.

В это время проснулась девица, увидела рядом мертвых насильников, завизжала и, вскочив, метнулась в сторону леса. Но со связанными впереди руками и после насилия далеко убежать не успела, я быстро ее нагнал, пнув по аппетитной попке, которая вихляла передо мной.

От удара по волнующей мякоти девушка упала. Перевернув ее на спину, от чего она привычным движением раздвинула ноги, разрезал стягивающие ее руки веревки. И сделав шаг назад, стал с интересом ее разглядывать.

Девица оказалась самой обычной татаркой с косичками, лежала она с закрытыми глазами, но поняв, что ее пока никто насиловать не собирается, приоткрыла один глаз. Увидев перед собой русского мальчишку, она сдвинула ноги.

Показав жестом, чтобы она встала, я продолжил наблюдение. Девице было на вид лет шестнадцать, одета в одну коротенькую рубашку, едва прикрывающую бедра, кстати, прекрасные бедра, и грудь, мелькнувшая в вырезе рубахи, была очень даже ничего.

Поднявшись на ноги, она с удивлением осмотрела меня и, похоже, решив, что я для нее опасности не представляю, что-то сердито сказала и замахнулась кулачком.

«Похоже, курва привыкла бить рабов, ну-ну».

Ее даже не остановили мои сабли, висевшие на поясе.

Жалеть девицу я не собирался, поэтому пробив ей прямой

по печени и взяв на излом руку, повел поскуливающую от боли обратно в лагерь.

– Ну что, коза? Давай знакомиться. Я – Хозяин. А кто ты?

* * *

– Гора-а большо-ой, иша-ак больно-ой!.. – медленно и монотонно выводил я, покачиваясь в седле.

Третий день мы двигались через бескрайнее поле на запад. По моим прикидкам и по движению солнца, именно там должны быть славянские поселения. Рюрики там всякие. Иваны Грозные, Ильи Муромцы с Добрынями.

Пленница покачивалась рядом на маленькой мохнатой лошадке.

Красота! Колеса есть, самому идти не надо, баба под боком, даже сабли, что на боку, радуют меня. Тем более после возобновления тренировок я наконец смог провести серию приемов «Дуновение ветра». Раньше это у меня не получалось. Тут, хоть и один раз, я смог войти в режим транса, но и это уже результат. Ничего, со временем он для меня откроется полностью. Главное – все движения я знаю, а там с опытом придет и понимание.

– Гюльчатый?

На самом деле ее звали Айгуль, но это имя мне не понравилось, поэтому переделал по-своему. Тем более девчонка очень походила на ту актрису.

После того как я хорошенько отмыл ее в первом попавшемся ручье, то свел более близкое знакомство. Приятная особа, но не особо опытная. Сколько криков было, пока я полоскал ее в ручье, не описать, но что было потом! Когда я рядом с водой бросил все грязные вещи татаро-монголов, чтоб она занялась стиркой, раздался взрыв возмущения. Что она говорит, я не понимал, но и так ясно. Типа она не раба, а госпожа. Но я нашел выход, смастерил пульт дистанционного управления. Сорвал ивовую ветку и так ее отходил по мягкому месту – сразу возникло полное взаимопонимание...

Как я понял, ни девушка, ни убитые татары к этим самым татарам никак не относились, около двух десятков татарских слов, которые я знал, она не поняла. Более вероятная версия – ногойцы, да и то вряд ли. Может, башкиры, близкая ветвь.

Перед отъездом я разворошил все трофейные баулы. Среди продовольствия нашел восемь кожаных фляг, много грязной одежды, сейчас уже постиранной, несколько образцов оружия, пару скатанных в рулон небольших, но красивых ковров и шкатулку из темного дерева. В ней оказалась пара пистолетов вроде тех, из которых в Пушкина стреляли, но эти были грубее. В шкатулке обнаружили отливка для пуль, мешочек с порохом, пыжи, два свинцовых прута и несколько запасных кремней. Проверив, убедился, что пистолеты кремневые. Их можно было назвать произведениями искусства. Со столь искусно выполненными и украшенными стволами и рукоятками они бы заняли не последнее

место в каком-нибудь музее, но для меня они были обычным оружием. Поэтому проверив их, зарядил и воткнул за широкий шелковый пояс, став с виду похожим на пирата. Денег нашел не так много, как хотелось бы. Их было три вида. Медные – много. Серебряные – горсть. Золотые – три штуки. Куда интереснее выглядели золотые и серебряные украшения, их набралось порядочно, но они явно имели уголовное прошлое. На некоторых серьгах сохранились остатки мочек их бывших хозяек. У речки, пока Гюльчатой стирала, я тоже поработал, отчищая их.

– Гюльчатой? – снова окликнул я, вглядываясь в небольшое облачко пыли, поднимавшееся впереди.

– Да, Хозяин, – ответила она той единственной фразой, что успела выучить.

– Там вроде пыль?

– Да, Хозяин.

– Похоже, скачет кто-то?

– Да, Хозяин.

– Оставайся тут, я проверю кто.

– Да, Хозяин.

– Хм... У меня сегодня будет волшебная ночь?

– Да, Хозяин.

– Прекрасно, – хмыкнул я.

Стреножив всех коней и связав девушку, я прижался к гриве своего скакуна и направил его навстречу клубящейся

пыли. Судя по облаку, там не особо много всадников.

Впереди открытая местность, поэтому пришлось брать правее, чтобы укрыться за невысоким холмом. Стреножив Сивку, я по-пластунски добрался до вершины и, подползя к кустам раkitника, осторожно выглянул.

«Пять всадников, один пеший... Хм, похоже, пленный. Точно, вон его как гонят. Вот и возможный союзник-язык. Будем выручать парня».

Терпеливо дожидаясь их приближения, прячась в густой выцветшей под жарким солнцем траве на их пути, я всматривался в конвоиров и пленного. При приближении выяснилось: то, что я издали принял за белый тюрбан, оказалось седой гривой пленника и короткой бородкой, явно опаленной огнем. Пленник был стариком с глубокими морщинами на лице, но, несмотря на возраст, фигура выдавала его воинскую статью.

– Непростой дедок и конвоиры тоже непростые.

Если те убитые, которых я встретил первыми, были больше похожи на бомжей, как самое близкое сравнение, то эти явно принадлежали к богатому роду. Одеты, по моему представлению, очень богато. На всех кольчуги с зеркалами на груди, похожие со стороны на мускулатуру Арни Шварца. Луки, колчаны справа на седле, сабли в богатых ножнах, ножи, лошади – не мои Сивки, а настоящие скакуны под дорогими седлами. Богатая одежда, обувь... я уже прикидывал, что возьму себе, а что выброшу.

Мое появление стало неожиданностью для всех, даже для лошадей. Еще бы, ветер дул в мою сторону, так что учуять не могли.

– Иеху-у-й! – завопил я, вскакивая и разряжая оба ствола.

Два дальних всадника опрокинулись назад. Один сразу вывалился из седла, а второй полулежал, судорожно цепляясь окровавленными пальцам за повод. Стрелял я в грудь, если пуля не пробьет, то надолго выведет их из строя.

Не успел стихнуть гром выстрелов, как пистолеты упали на примятую траву, и в воздухе засверкали ножи. Последний пришлось бросать в спину пятого, проскакавшего мимо. Нож вошел ему в затылок над кольчужным капюшоном.

Покачивая последний кинжал в ладони, я внимательно осмотрел старика, обнаружив, что тоже стал предметом внимания.

– Здоровеньки булы, старче, – слегка склонив голову в приветствии, поздоровался я. Припомнив просмотренный фильм «Иван Васильевич меняет профессию», добавил единственное знакомое старославянское слово: – Паки.

– И тебе не хворать, новик, – сказано было, конечно, на старославянском, но я вроде понял. Наверное, переводчик не понадобится.

– Они одни или еще есть? – спросил я, подходя к двум недобиткам, в которых стрелял из пистолей. Чиркнув каждого по горлу, я отошел в сторону и стал пристально рассматривать старика.

Старик нахмурил брови, пытаясь понять, что я сказал.

– Одни. Аул рядом. Двадцать полетов стрелы, – тщательно выговаривая слова, ответил старик.

Тут уже хмурил брови я, пытаясь понять, что сказал дед. Языковой барьер опять встал на моем пути, если с пятого на десятое я понимал старика, то меня он понимал с десятого на пятое.

Через несколько секунд разобравшись, что и как, первым протянул руку и представился:

– Артур.

– Боярыч Кузьмо Красновский, княжеского рода.

– Хм, Артур, инженерского рода по отцу, воинской по себе, – буркнул я под нос, разглядывая широкую, словно лопа-та, ладонь старика. Больших пальцев на обеих руках не было.

– Эк, как тебя. Ладно, сваливать надо... Я говорю, уходим... это тоже соберем!

Старик шустро побежал ловить лошадей, сам же стал вынимать ножи и раздевать убитых, снимая трофеи. Как я понял боярыча, валить надо как можно быстрее. В той стороне, куда мы с Гюльчатой направлялись, виднелись высокие холмы, но не горы, снежных шапок не было, туда я и решил податься, все привычней, чем в степи. Кольчугу пришлось снять с одного из тех, в которых стрелял. Его телосложение было похоже на мое, так что кольчуга села как влитая. Потерев зеркальца на груди, я недовольно скривился: сверкают. Нужно будет задымить их над костром.

Сбор трофеев занял почти час, одну лошадь так и не поймали – удрала. Это подстегнуло нас. Старик взлетел в седло и укрепился там как влитой. Общались мы больше жестами вперемешку со словами:

– Да куда ты поперся, хрыч старый?! Да понимаю, что надо быстрее, но вещи свои я не брошу. Туда говорю!

Наконец старик повернул лошадь и поехал позади табуна из двух лошадей, которых я вел за собой. На месте стоянки он помог мне собрать лошадок и, связав их в одну связку, мы, уже вместе с Гюльчатой, двинулись к холмам-горам.

Прежде чем предпринимать дальнейшие шаги, нужно найти укромное место и все осмыслить, заодно и подучиться местным языкам, благо теперь есть у кого.

* * *

– Олег, сынок! Обед готов, – услышал я крик Кузьмы Михайловича. Обернувшись, посмотрел на старика, шикарную бороду которого трепал ветер, бушующий на вершинах скал.

– Иду!

Прыгая с одного обломка скалы на другой, звеня кольчужгой, я быстро спустился вниз и встал перед боярином.

– Вымахал-то, ужо выше меня стал, – усмехнувшись в пышные усы, добродушно пробормотал боярин.

– Так и лет мне почитай только из отроков вышел. Новик! – поднял я палец.

– Новика ты в бою заслужил, Олег. – Мы шагали по узкой звериной тропинке, вившейся со скал вниз, и негромко разговаривали.

С той минуты, как я встретил бывшего новгородского воеводу, прошло более восьми месяцев, которые, по моему мнению, прошли не зря.

Горы оказались все-таки горами, причем не простыми. Крымскими.

Мы тогда успели за два дня добраться до них и укрыться в одном из ущелий, пока я случайно во время охоты – до сих пор со смехом вспоминаю, как ходил с боевым луком на зверя – не обнаружил проход в еще одну долину. Она была маленькая, три на два километра, с ручьем, впадающим в озеро, плюс небольшой лесок с живностью. Короче говоря, классное место, чтобы пожить какое-то время. Ковры мы использовали как постели, выстиранные попоны вместо одеял, на лето пойдет, а там что-нибудь придумаем.

Про эти восемь месяцев можно написать книгу о приключениях Гекльберри Финна в нашем исполнении. Как я общался и осваивал язык, как старик учил меня пользоваться саблей и луком. Как в седле сидеть. Перед заморозками мы сделали налет на небольшой аул, когда все воины ушли на Русь грабить и за полоном. Нас тогда интересовала юрта. Ничего, смогли разобрать, увезти и собрать. Труднее всего было замести следы. Но тут нам погода помогла. Разлились дожди и все смыло, так что на зиму крышу над головой мы

теперь имеем.

Все это время старик присматривался ко мне. Когда языковой барьер пал, это случилось месяца через два после знакомства, я рассказал кто и откуда. А чего скрывать? Меня больше интересовало местное время, старика – будущее. Так у костра мы вечерами засиживались до звезд. Одним из предложений Кузьмы Михайловича было сделать меня своим сыном.

– Ты мне жизнь спас от врагов. Я такого не забываю и хочу отблагодарить тебя. Будешь сыном мне.

– Зачем? Ай!

– Не перебивай! – потеряв ладонь, велел он. – Ты ведь на Русь пойдешь?

– В Новгород, – кивнул я. – В Москву что-то желание пропало, особенно после ваших рассказов. Мне эта междоусобица не интересна. Пусть грызутся за трон, меня не трогают. Не хочу, чтобы надо мной какой-нибудь царек был. Я сам себе голова.

– Свободолюбивый ты, но с Новгородом ты прав. Там хоть и эта... как ты говоришь, анархия, но жить можно. Вот только твое неприятие церкви... – поморщился старик, явно вспомнив давний эпизод.

Мы тогда с дедом выбрались поохотиться, вернее это я бегал живность пугал, старик занимался разделкой и копчением. Вот тогда на запах вышло шестеро татар с пленником на

веревке. Им был дородный поп в рваной одежде, с всклокоченной бородкой и лысой головой. Я их в последний момент засек, кляня себя, что проворонил их, подполз сзади и перебил, пока потрошил трупы, освободившийся пленный подошел ко мне и что-то надменно сказал. Старик к тому времени подучил меня изъясняться, но этот язык я не знал. Тут этот сморчок взял и приложил к моим губам грязно-зеленый перстень на пальце, судя по виду явно медный. Да ловко так, даже я со своей реакцией спасовал. Не знаю, что это значило, но меня возмутило до глубины души. Через секунду поп был на земле, хватая воздух открытым от возмущения ртом, а я уже сидел на нем сверху – только поповские ребра под моими коленями хрустнули и фонтанчик крови изо рта брызнул. После был теологический разговор со стариком насчет моего вероисповедания. А поп, кстати, был иезуитом, так что со стороны старика проблем не было, но его до крайности возмущало, что я ни во что не верю, и мое отношение к священникам, высказанное в категорической форме: «Хороший поп – хорошо прожаренный поп», его изрядно нервировало.

– Вот приедешь ты в Новгород, как себя поставишь?

– На постамент, что ли? Ай!

– У каждого человека своя родословная – хоть боярин, хоть холоп.

– Не, холопом я быть не хочу.

– Станешь, если так себя вести будешь. Твое поведение выдает в тебе боярство, а то и за князя примут.

– Ну назовусь боярином. Как проверят?

– Летописи в церкви. Как ни назовись, всегда ложь найдут.

– Проблема, – задумался я, энергично почесывая затылок. – А если летописи сгорели?

– Не смей церковь жечь...

«Вот старик, вместе всего ничего, а уже мысли читает!» – сердито подумал я, слушая нравоучения.

– Боярином Красновским будешь. Олегом Кузьмичем.

– По бумагам проверят и...

– ...и поймут, что это ты и есть. Сын он мой, когда меня три года назад вороги вместе с дружиной побили, сын тоже был. Стрелой убили, двенадцатой весны не увидел. Тело они забрали, так что поверят. Похожи вы с ним, и глаза такие же.

Кузьма Михайлович в плену находился уже почитай четвертый год. И все из-за одного давнего дела. Отбивая полон, что вели ногайцы на границы со степью, он в схватке убил сына очень большого и богатого рода. Родственник ихнего шаха, или как его обзывал Михалыч, хана. Так ладно бы срубил. Хвастался этим, прибрав трофеи с тела. Так его и вычислили, и сына убили, а его в плен взяли, истязая мучениями на протяжении этих лет. Правда, аккуратно, не до смерти. Кузьма Михайлович выжил только на одной злости и мести, не сломался назло всем. Его сдал кто-то из своих бояр, метивших на денежную должность воеводы, вот он и собирался вернуться в Новгород и вернуть должок, истязая себя постоянными упражнениями с мечом, несмотря на отсутствие

больших пальцев. Он выбрал двуручный меч, я его обозвал «секатором», взмахнет – и уноси вперед руками. Сам я бою на мечах обучен не был, поэтому с интересом наблюдал за тренировками, а когда Михалыч освоился, на это много времени ушло, ему пришлось делать самодельные протезы на кожаных ремешках, и мы стали иногда устраивать спарринги.

– Так я же ничего о жизни на Руси не знаю?!

– Буду учить. Поперва запомни, ты боярин княжеского рода. Это всяко выше простого боярина и тем более боярского сына...

Так и шло наше время. Я веселился, изучая горы, охотясь на косуль, горных баранов, зайцев, куропаток и узкоглазых в халатах, вечерами слушал нового отца и учился аранжировке... или вольтижировке? Один хрен, слова почти одинаковые. Старик и тут проявил волю, заставил Гюльчатай учить меня ногайскому. Должен же я был объяснить, где находился. Если в плену, почему языка не знаешь? Пришлось учить.

Подходя к дому-юрте, около которой дымился костерок с подвешенным над ним котелком, я присел на ковер и, дождавшись, когда Гюльчатай наполнит наши миски, начал неторопливо есть.

– Ближко они? – поинтересовался Кузьма Михайлович, закончив обедать.

– Стоят лагерем у выхода, если так будет продолжаться,

мы через неделю без еды останемся, – ответил я, тоже откладывая пустую миску.

– Уходить надо. Ужо поняли, что кто-то тут рядом озорует. Может – эти нас и ищут.

– Знаю, что пора. Я тут в прошлый раз пленного ногайца порасспрашивал, у них месяц назад банда ушла за полоном, скоро обратно пойдут. Думаю вот перехватить. Люди нужны, воины, холопы в тыловую службу. Отряд хочу организовать из полян – самое то, злые они.

– Полоняне, – поправил меня второй отец.

– Все равно наши, – отмахнулся я.

В это время возившаяся рядом Гюльчатай подняла голову и посмотрела на забулькавший котелок – подоспел чай.

– Мне еще с собой. Налей в бурдюк, – велел я ей на ногайском.

– Хорошо, Хозяин, – откликнулась она.

С девушкой я разговаривал только на этом языке, практика великая вещь. Конечно, за такое короткое время в совершенстве я им не овладел, но говорил почти чисто, с легким акцентом.

Отпив из фарфоровой пиалы, я откусил кусок медовой соты и, еще раз отхлебнув кипяток, посмотрел на солнце.

– Полдень. Хочу пройти через хребет и выйти им в тыл. Они лагерем у ближней рощи стоят, подползу, послушаю, о чем говорят. Нужно определиться с нашими дальнейшими планами, как бы не пришлось их менять.

– А через проход?

– Не получится, у них рядом пост, – отрицательно покачал я головой, продолжая задумчиво глядеть на склон хребта.

– До ночи успеешь пройти горы?

– Да, – кивнул я.

– Тогда нужно поторопиться. Я проверю завалы в проходе, как там, – произнес Кузьма Михайлович.

Со стороны прохода опасности мы не ждали, так как со- здали такие завалы, что пройти там нереально. С виду они были как настоящие. Однако тайную тропку я оставил, так, на всякий случай. Кроме нас с Кузьмой Михайловичем о ней никто не знал.

Прихватив с собой самодельный сидор и бурдюк, заменяв- ший мне флягу, я проверил вооружение. Лук с натянутой те- тивой за спиной, стрелы в колчане. В сидоре оба пистолета с запасными зарядами. На поясе кинжал, в нагрудных само- дельных чехлах десять метательных ножей. Вместо двух са- бель из плохого железа, тех, что были при мне в первые дни, на поясе висели: одна – настоящий дамаск, другая из неиз- вестного мне сплава. Лезвие было не темным, черным как уголь. Когда Михайло Кузьмич увидел его, то восхищенно защелкал языком, хотя, что это за сплав, он тоже не знал, только слышал о таких. Себе не взял, когда я предложил, вы- брал двуручный меч «секатор», он был не сабельником.

Черная сабля была короче первой, так что я использо- вал ее под левую руку. Первую я снял с воина, своим внеш-

ним видом показывающего если не первое место в служебной иерархии, то второе точно. Сабля явно была добыта им в бою, не по чину она ему была. А вот вторая, черная, была снята не с убитого мной воина или хана. Нет, я обнаружил ее в тюках с дарами, что везли в глубь Крымских гор. Кстати, замучился камушки из рукоятки и ножен выковыривать, мне приметность ни к чему. В караване было кроме двухсот воинов около трехсот полонян. В основном молодые парни и девушки. Тоже явный дар. Помочь я им ничем не мог, но вот незаметно пробраться мимо постов с собачками и поворошить тюки сумел. Думаю, пропажу сабли, первоклассного шлема и одного из мешочков с золотыми монетами они обнаружили только по прибытии в пункт назначения.

Не освобождал полонян я по одной причине – их слишком много, и мы находились практически в центре Крымских гор. Некуда их было прятать. К себе вести? Даже не смешно, они такую тропу протопчут, что даже слепые нас найдут. Я сам, возвращаясь, ходил только по камням, чтобы не оставлять следов.

Нет, конечно, я не такой бесчувственный, как казалось. Освобождал, было и такое, но потом всегда жалел об этом. Воины мне попадались дважды, вот с ними было приятно иметь дело. Поделился оружием убитых охранников и конями. Они без особых слов, кроме благодарностей, вскакивали на лошадей и уходили в степь, надеясь прорваться к себе. Когда я одного такого через пару дней увидел ковыляющим

на длинной веревке за ногайцем, понял, что путь через степь полностью перекрыт. Не мне тягаться со степняками на их поле – значит, этот путь нам точно закрыт.

Так что освобождать пленников, несмотря на те издевательства, что над ними учиняли, смысла не было. Все равно поймают. А вот когда будем сами уходить, то полусотню можно прихватить. Был у меня план, как к своим прорваться, был. Даже одобренный Кузьмой Михайловичем.

Мы решили, что весна – самое то для прорыва к своим. По примерным прикидкам, мы окажемся на Руси летом. Так что пару недель и все. Уходим.

Звериная тропинка вилась между огромных валунов. Осторожно шагая по ней, я поглядел на встающее солнце. Утро, хребет мне дался не так чтобы тяжело, но пришлось поднапрячься, пока преодолел его. Солнце встретило меня на этой тропинке, ладно хоть на вершине поспать удалось, спрятавшись в ложбине от ветра.

За хребтом виднелась караванная тропа, вот параллельно ей я и крался к ногайскому лагерю. Меня изрядно насторожило, что они остановились именно тут. Обычное место оборудованных караванных и воинских стоянок выше на шесть километров и ниже на семь. Выход из нашей долины был как раз посередине. Так что этот лагерь напрягал не только меня, но и Кузьму Михайловича. Неправильно это, не так должно быть.

Кстати, на свободную охоту он отправлял меня не особо беспокоясь, уже знал уровень моей подготовки и умений, была у него возможность в нем убедиться.

Осторожно выглянув из-за валуна, тут как раз кустики росли, я быстро осмотрел путь впереди.

Вроде бы все в порядке, но чуйка просто кричала: что-то там не так.

Тропка, вившаяся мимо глыб, убегала и исчезала в небольшой рощице. Склон тут был отвесный, после давнего оползня усеянный множеством острых камней, для местных непроходимый. Это я мог по нему подняться, все-таки имел неслабую горную подготовку. Нет, местность тут открытая, долго не попрячешься, а вот на краю рощи запросто.

«Ждут меня? Сомневаюсь. Я не работал вблизи нашей долины, мы там даже не охотились. Тогда что? Сдали, или видели меня при возвращении? А что, вполне может быть. Я, конечно, всегда возвращался ночью, но вполне мог попасться кому-нибудь на глаза. Взять то селение в семи километрах. Какой-нибудь пастух мог увидеть? Мог. Блин!»

Вернувшись на тропу, я быстро побежал назад. Тут мне путь был перекрыт. Нужно вернуться на пару километров назад и пересечь караванную тропу, чтобы выйти на лагерь ногайцев с противоположного от нашей долины хребта.

«Скорее всего, меня заметили при возвращении, но как я ушел проходом, не видели. Просто исчез и все. Но если пришедшие ногайцы будут искать, то найдут быстро. Глав-

ное знать, что и где искать», – размышлял я на бегу.

За два часа я смог, сделав крюк, обойти и зайти ногайцам с тыла. Лагерь был пуст.

Куда они делись, стало понятно, как только бросил взгляд на одинокую рощицу, закрывающую собой вход в долину. Там был прорублен проход. Сам проход был закрыт от глаз не только рощей, но и упавшим валуном, нужно было зайти за него и пройти по вившемуся, как змея, темному ущелью в долину. На входе и на выходе были завалы.

Если кто думает, что я сразу же рванул в долину, то он ошибается. Есть тут посты, не может их не быть. Значит, пока они есть, путь обратно в долину мне заказан.

Первых ногайцев я обнаружил у лошадей, их никто не трогал. Четыре десятка коней паслись на холме, лакомясь свежей изумрудной травой. Значит, в нашу укрытую долину они ушли пешими. Это было странно, я тут всего ничего, а уже знаю: без лошадей местные не воюют. Даже нужду справляют с седла, сам видел. Хотя если учесть, что там можно пройти только пешком... Думаю, у них не было времени разбирать завалы, что означало – они нашли мою тропку.

Беда-а. Надеюсь, Кузьма Михайлович с Гюльчатой укрылись в оборудованном схроне, у нас это было обговорено.

Трава только недавно проклюнулась сквозь старую и пожухлую, поэтому была невысокой, сантиметров десять, а не с метр. Это для лошадей ее хватало, мне же, чтобы подо-

браться к трем сидящим у бездымного костерка ногойцам, было мало. Ближайшее укрытие в сорока метрах за обломками скал.

Скинув сидор, я снял лук и достал три стрелы без накопечников. На концах только глиняные блямбы. «Травматические стрелы» – как я их называл.

Попасть с такого расстояния даже мне не трудно, но вот мастером по быстрой стрельбе я не был. Поэтому нужно было поразить всех троих как можно быстрее, чтобы они не подняли крик.

Одну стрелу наложил на тетиву, вторую держу зубами, третья лежит под правой рукой.

К сожалению, ногойцы среагировали неприятно быстро. Это не землепашцы или пастухи, хоть и похожи на бомжей, но воины. Они всю жизнь воюют, так что ничего удивительного, что когда тетива хлопнула по защитной наручи, все трое откатились в сторону, сбивая прицел. И если двое делали это осознанно, то третий, дернувшись, покатился безвольной куклой. Вместо того чтобы попасть в грудь и на некоторое время ошеломить, стрела попала в затылок.

Выпустив две оставшиеся стрелы, я быстро положил лук на землю и рванул к ногойцам, выхватывая на ходу сабли. Обе выпущенные стрелы прошли мимо, одна пропала в траве, другую отбил в сторону один из воинов.

Расступившись, они встретили меня с двух сторон. Ага, делать мне больше нечего, драться с ними. Воткнув обе саб-

ли в землю, я взялся за ножи. Тут им противопоставить было нечего, стеганные халаты – и все, даже без деревянных вставок, видел у некоторых такие.

Оба ногайца осели на траву, орошая ее кровью. Пришлось использовать три ножа, тот живчик, что отбил стрелу, умудрился увернуться от первого, откатившись в сторону, но поймал второй нож подмышку.

Все три ногайца были молодыми, лет двадцати, и если один был более или менее опытным, два других салаги зеленые.

«Молодняк, обычно старший должен был быть пожилым, лет за сорок, а то и больше. Они уже не воины, но как тыловые службы в отрядах ногайцев еще ничего. Что это значит? А хрен его знает. Нужно подранка допросить», – решил я.

Тот, что получил стрелу в затылок, был готов. Опытный доживал последние секунды, хрипя и скребя траву каблуками стоптанных сапог, а вот третий, получив нож в живот, был еще жив и вполне годен к допросу. Правда, недолгому.

Посмотрев на тонкие усики опытного, – несмотря на смертельное ранение, он продолжал следить за моими движениями, – я выдернул из земли обе сабли и, обтерев их, вернул в ножны. Выдернул ножи из тел, добил опытного и вернулся к подранку.

Надо отдать ему должное, подранок сломался не сразу, с моральным воспитанием воинов было все в порядке. Однако после плотного допроса у меня опытные и старые воины

плакали, что уж тут говорить о салаге, но три минуты он держался. Молодец, уважил.

Мои прикидки оказались на удивление верными, заметил меня пастушок, гнавший в соседнее селение баранов. Была ночь, но взошедшая луна осветила меня. Мальчонка успел рассмотреть незнакомца и сбегать за старшим пастухом, который отдыхал с другой стороны остановившейся на ночь отары.

Дальше все просто, слухи дошли до владельца ближайшего аула, и они решили проверить, заодно молодняк погонять, который не ушел на Русь. Селения же тоже кому-то надо охранять.

Опытные и старые воины, те, что по здоровью не могли уйти в поход, тут тоже были. На тридцать шесть ногайцев – семнадцать опытных. Вот это было плохо. Нет, я могу спокойно выйти против пятерки таких ветеранов, но семнадцать от меня мокрого места не оставят, не стоит забывать и про молодняк. В общем, будем вести партизанскую войну с булавочными уколами. Другая тактика тут неприменима.

Шесть ногайцев остались охранять тылы и лошадей, остальные ушли в долину. Ушли пять часов назад, когда только встало солнце.

«Ну ладно, на прорубание прохода им понадобится час-полтора, значит, они уже больше трех часов хозяйничают в моей долине! – размышлял я. – Михалыч, держись!»

С остальными часовыми разобрался я быстро, пленник

успел рассказать, где они находились. Благо стояли по одному. Как я и думал, на той звериной тропке все-таки стоял один.

Они расположились в разных местах, поэтому на зачистку тылов мне понадобилось почти три часа, пришлось побегать. Да и на скрадывание время было нужно. Двоих снял из лука, великая вещь для разведчика. Тихо и незаметно, а того, что в роще, ножом.

Когда я проник в свою долину, то понял: все кончено.

Схрон вскрыт, рядом лежат в беспорядке несколько тел. Так могут лежать только мертвые. Вокруг суетятся живые ногайцы, издавая крики радости.

«Судя по убитым... Сколько там?.. Пятеро. Значит, Михалыч умер, как и хотел, с мечом в руке. А эти делят мою кубышку. Ну-ну!» – Хмуро посмотрев на спины ногайцев, я было двинулся в сторону, собираясь обойти их, и замер. Среди толпы воинов мелькнуло фиолетовое одеяние Гюльчатай. Судя по тому, как один из ногайцев довольно похлопал ее по плечу, именно она сдала схрон. А я-то еще удивлялся, как они так быстро нашли. Сам делал, его было не так просто обнаружить.

– Кишки выпущу, – с ненавистью выдохнул я и скользнул к ручью.

Эта укрытая долинка имела форму полумесяца, где на нижнем острие и был вход. От верхнего края бежал ручеек, впадая в небольшое ледяное озеро в середине полумесяца,

из него вода уже не вытекала, видимо, уходила под землю. Думаю, проход внизу пробил именно ручей, но потом, когда вода нашла другой путь, пересох.

Лагерь, где стояла юрта, находился у озера, укрытый за рощицей. Там было пусто. Один из схронов, основной, я спрятал чуть ниже озера в скалах. Именно там и укрывались Кузьма Михайлович и Гюльчатая.

Помогало мне то, что вся долина, протяженностью в три километра, от острия до острия, была густо покрыта лесом. Не нашим северным, высокими соснами или березами, а местными, кривоватыми и невысокими. Но и это мне было на руку.

На входе в долину никаких постов не оказалось, поэтому свободно пройдя по бывшей тайной тропке, по которой недавно прошло три десятка ногайцев, я прокрался к озеру и стал наблюдать за напавшими.

Я насчитал не более полутора десятков, это только половина, куда делись остальные?

Тот богато одетый воин, что благодарил Гюльчатую, видимо старший, стал отдавать приказы. Восемь воинов устремились к выходу, остальные исчезли среди скал.

«Эти ушли к схрону. Восемь на выход, где остальные? – задумался я, пристально разглядывая скалы. – Предположим, тварюга рассказала им обо мне и куда я ушел. Вывод? Пятнадцать воинов ушли к хребту, видимо, они не могли поверить, что я смогу его преодолеть, остальные к выходу.

Значит, не исключали такую гипотетическую возможность. Ну, мне же лучше, будем уничтожать их по отдельности!»

Уйти и не отомстить я не мог, поэтому, как только среди скал скрылся последний и ушла восьмерка, скользнул в сторону, обходя озеро.

Нужно «пообщаться» с оставшимися, наказать Гюльчатай и узнать, что с Михалычем. Может, он все-таки жив?

Надежды мои не оправдались, тело Михалыча я рассмотрел у скал, в пятидесяти метрах от схрона.

Тихо и невнятно выругавшись, глядя на окровавленное тело старика, я начал разбираться с ногайцами. К моему удивлению, справился быстро, не ожидали они удара с тыла, да и не сразу поняли, что их убивают. После некоторых раздумий я на первое время отказался от лука – больно уж они резво реагировали на него – и использовал метательные ножи. Когда седьмой воин получил нож в горло и упал, гремя посудой, которую нес, то забеспокоились остальные. Меня порадовало, что они все выскочили из схрона на шум. Дальше я уже работал луком. Потеряв еще двоих, оставшийся в живых предводитель метнулся в схрон. Его я не трогал, он был мне нужен живым.

Сам схрон я оборудовал в небольшой пещерке, завалив вход специальным камнем и тщательно замаскировав. Визуально его было не обнаружить. Простенько и со вкусом.

Выхватив сабли, я спрыгнул со скалы и подбежал к схро-

ну. Надо отдать должное старшему, он встретил меня грамотно, не у входа, а внутри. В схроне было темно, а у старшего глаза уже успели адаптироваться, пока они потрошили накопленные мною заначки.

Только он не учел, что последнее время я обучался бою в темноте на слух, поэтому с ходу атаковал с закрытыми глазами.

Ногаец встретил меня с саблей и круглым щитом. На ходу отбив клинок в сторону, я присел на шпагат и рубанул ему по ногам второй саблей, крутанувшись на каменном полу. В принципе, на этом бой и закончился. Черная сабля даже не заметила препятствий в виде костей. Почувствовав рядом движение, я взмахнул саблей, повертев ею.

Послышались всхлип и падение тела с тихим скулежом. Вскочив на ноги, я быстро протер и вернул сабли в ножны, после чего занялся подранком. Отбросил саблю противника в сторону, быстро наложил жгуты на культяпки. Мне нужно было с ним поговорить.

Глаза к этому времени уже привыкли, поэтому я посмотрел на вторую жертву, ею оказалась Гюльчатаяй. А я еще думал, где она. Тут и была. Видимо, хотела проскочить, пока я занимался старшим, но нарвалась на случайный удар.

Безразлично посмотрев, как она пытается запихнуть обратно кишки – удар пришелся в живот, – я молча развернулся и выбежал, добывая воинов снаружи. Контроль я провести не успел и сразу метнулся к Михалычу.

Он был мертв, множество резаных ран, раздробленная каблуками кисть руки. Видимо, когда его доби́ли, пытались вырвать оружие из крепко стиснутой руки, но не преуспели. Дальше просто раздробили кисть и забрали меч. Я его видел среди трофеев.

Душа как-то вдруг опустела. Потерять человека, который стал мне близок, было тяжело. Ярость схватки с налетом ненависти потихоньку отпускали меня. Слегка покачиваясь из стороны в сторону, я пробормотал:

– Не волнуйся, Михалыч, я доделаю то, что ты хотел.

У Кузьмы Михайловича было только одно желание – вернуться в Новгород и разобраться с теми, кто подставил его, что привело к пленению и гибели родного сына.

– Верну должок, – продолжал бормотать я. – Но сначала...

Вскочив, я накрыл тело Кузьмы Михайловича гобеленом, который взял среди готовых к транспортировке узлов. Быстро приведя себя в боевое состояние, спустился в схрон. Гюльчатой и старший у воинов еще были живы. Добивать Гюльчатой я не собирался, да и выбросил я ее уже из головы. Месть свершилась, что же еще надо? Пусть случайно, но ведь это так и было. Ни о каких терзаниях и речи не шло, не тот я человек и не то время.

Под стоны девушки я быстро допросил воина. Он приоткрыл мне завесу тайны, как удалось найти схрон и где оставшиеся воины.

Разумеется, схрон сдала Гюльчатой, когда они в нем сиде-

ли. Михалыч задремал, она тихо откатила камень в сторону и выбралась наружу. Шум все-таки был, и Михалыч проснулся. Девушка с криками бросилась к своим соплеменникам, вынудив старика вступить в бой. Пусть без больших пальцев, с протезами вместо них, но он был боец, и жизнь смог продать подороже. Я ошибся, на его счету было восемь воинов. Пять убитых и трое раненых, их унесли в наш лагерь, в юрту.

Десять ушли к хребту ожидать моего возвращения, остальные на другую сторону. Вот и все, остальное я знал.

После плотного допроса я добил старшего и, скользнув к выходу, помчался к лагерю. Нужно было разобраться с ранеными и зачистить долину от захватчиков.

* * *

С трудом стянув кольчугу, я задрал подол окровавленной рубахи и прижал чистый холст к ране.

Посмотрев на хрипящего ногойца, подхватил булыжник с земли, больше ничего метательного не осталось, даже обещанный нож использовал, и метнул его в голову последнего живого крымского воина.

– Да заткнись ты, – зло выдохнул я.

Как ни странно, не промахнулся, камень с хрустом впечатался в висок под шапкой.

Бой с ногойцами вышел труднее, чем я планировал. Нет, с теми-то, что были в долине, я разобрался быстро, сперва к

юрте наведалься, где побил трех крымчан, один вроде за лекаря был, и добил раненых. После чего тихо вырезал воинов, которые ушли к хребту. Молодняк тоже хлопот не доставил, но когда возвращался к проходу, лицом к лицу столкнулся с восьмеркой, уходившей к своему лагерю по караванной тропе. Вот тут уж пришлось повертеться, благо сабли мои верные не подвели. Семеро из них вступили в сабельный бой, а самый хитрый, отбежав в сторону, взялся за лук. Минут десять я крутился, подрезая по одному воину так, чтобы не попасть на прицел лучнику. Тут главное, чтобы между нами были его товарищи.

Ногайский молодняк отлично показал мне неумелое взаимодействие в бою. Однако три старых воина мне чуть не навалили, они умели биться тройкой. А это, я вам скажу, очень серьезно. Одиночке практически невозможно сломать их строй. Так что пришлось покрутиться. С тройкой разобрался, одновременно атакуя и используя камни на земле – подкидывал их ногой так, что они летели в противника. Как только подрезал одного, остальные перестали быть проблемой. Рану я получил не от лучника, как раз по нему отработал последним ножом, обеденным, а от последнего из тройки, он, насадившись на мою черную саблю, ударил стилетом, который прятал в рукаве.

Классный ход, предсмертный удар. Если бы не медная блямба на поясе, попридержавшая лезвие, удара в печень мог не избежать. А так – лезвие только на два сантиметра

вошло, фактически кожу порезало.

Наложив повязку, я откинул окровавленную и подрезанную рубаху в сторону и достал из сидора свежую. Посмотрев на оба пистолета, я только вздохнул. Они мне так и негодились. Ну, хоть уровень своей подготовки, можно сказать мастерства, знаю. Неплохой.

Осмотрев тела убитых ногайцев, я собрал небольшой хабар и направился к схрону. Нужно было похоронить Кузьму Михайловича, поесть и собираться в дорогу. Думаю, до темноты управлюсь, а там – здравствуйте, приключения.

Перед тем как двинуться дальше, я обернулся и посмотрел на зарево пожара в долине. Михалычу я устроил тризну. Он рассказывал, как отправляют в мир мертвых павших воинов. Собирают погребальный костер и поджигают. Желательно еще бы несколько пленных воинов противника, но были только мертвые, так что Михалыча на нарубленные ветки я положил одного.

Всхрапнув, привлек к себе внимание Рыжик – именно так я назвал своего коня, на котором учился скакать. Это был статный трехлетка каурой масти. Из всего табуна я взял двух коней, Рыжика и Матрену, как выючную лошадь.

Одет по местным меркам я был роскошно. Не как обычно, во всем серо-черном, даже кольчуга была темной как ночь, а в одеяние местного хана, ну или принца.

На мне был роскошный синий кафтан с полами до сере-

дины бедер, с серебряными галунами и шитьем серебряной нитью на груди. Под кафтаном кольчуга для скрытого ношения. Лисья шапка, на вид дорогая, синие штаны вроде шаровар, заправленные в коричневые красивые и удобные полусапожки. Шелковая рубашка и исподнее. Рабочая одежда, та, в которой я куролесил, была спрятана в поклаже на вьючной лошади.

На поясе у меня висели два булатных клинка в красивых расписных ножнах. Боевой нож, обеденный и серебряная ложка тоже устроились на поясе. Кошелек не было, у меня нет привычки носить его в открытую, так что пришлось заставлять Гюльчатай пришивать к кафтану потайные карманы.

После боя в долине я дал имена своим саблям. Черной – Поглотитель душ. Дамасской – Мститель.

Может, и высокопарно, но мне нравилось. Сейчас обе сабли покоились в поклаже, они были слишком приметны, и их могли опознать.

Кроме личных вещей – я, кстати, много не брал, – забрал все драгоценности и деньги, что затрофеил, пока развлекался вокруг долины.

Погладив коня по голове, я вздохнул:

– Вот и остались мы одни, Рыжик. Пошли, нам еще через проход как-то протискиваться.

Лошадей у нас в долине паслось четыре штуки, остальных пустили на мясо зимой. Так что мне было из чего выбирать.

Две оставшихся весело резвились на зеленых полях долины. Я их отпустил.

Уже темнело, и пришлось повозиться, пока я смог, не поломав лошадям ноги, вывести их на караванную тропу. После чего, вскочив на коня, дал пятками по бокам, направив Рыжика к тропе – она находилась в четырехстах метрах от прохода. Нам нужно преодолеть этот хребет и по тропе выйти к морю. Там, в нескольких километрах от моря, будет бывшая столица Крымского ханства Кырым. По словам караванщиков, разговоры которых я подслушал на стоянках, до столицы всего три дня пути.

Ночь выдалась безлунная, поэтому двигаться приходилось осторожно, чтобы кони не поломали ноги. Мне нужно было отойти от долины как можно дальше.

Когда начало светать, я заметил на тропе каменное сооружение. При приближении я разглядел во мгле огороженный каменным забором двухэтажный дом и какие-то постройки.

«Да это же средневековый отель!» – удивился я. За время своих развлечений ничего подобного я не встречал. Да, в принципе, так далеко и не уходил.

Похоже, мое предположение оказалось верным, это действительно постоялый двор. В подтверждение тому – и множество построек, и запах пищи, и то, что он находится в одиночестве на тропе. Если бы это была крепость, то все выглядело бы по-другому.

– Сейчас и проверим, вжился я в образ или нет, – тихо

пробормотал я и, ударив пятками по бокам Рыжика, подъехал к деревянным воротам.

Вытащив из седельного чехла короткий дротик, постучал концом по воротам.

Ответили только после третьего раза.

– Кто там? – услышал я на местном наречии. Судя по голосу, спросил уже пожилой мужчина, хотя я расслышал и мальчишеский шепот.

– Путник. Хочу сытно поесть и сладко поспать. Юсуф-абый сказал, что у вас лучшее обслуживание в этих горах.

– Мудрый Юсуф не ошибся, – услышал я тот же голос. Юсуфов тут было много, попробуй определи, с каким именно я общался.

В это же время открылись ворота. В них стоял пожилой мужчина, который пристально изучал меня при свете факелов. Еще не так рассвело, чтобы можно было что-то рассмотреть. У створок стояли еще двое, один, видимо, раб, другой – мальчик лет двенадцати, это они распахнули ворота, предварительно убедившись, что я один.

Похоже, увиденное его полностью удовлетворило, он низко поклонился и, приглашающе взмахнув рукой, отступил в сторону со словами:

– Двери нашего дома всегда открыты для благородного господина. Я Мустафа, хозяин корчмы.

Последнее слово было сказано по-русски, старик безошибочно определил мою национальность.

Я тронул бока Рыжика, в воротах соскочил с коня и, подхватив поводья, пешком направился к конюшне. Михалыч говорил, что въехать верхом во двор хозяина это тяжкое оскорбление. Будем соответствовать. Руссо туристо, облик морале.

– Позвольте мои слуги помогут благородному господину, – тотчас воскликнул старик.

Для столь уважительного обращения был свой повод. Еще на Руси говорили: встречают по одежке. Моя выдавала во мне достаточно богатого и знатного юношу.

Местечковый отель имел довольно большой двор, где располагались кузня, сараи и дом, разделенный на несколько комнат.

Цены я примерно знал и, подкинув в воздух две серебряные монеты, велел:

– Мои вещи в комнату. Лошадей почистить и обиходить. Разбудите меня в полдень.

– Хорошо, благородный господин. Так и сделаем. – Я даже не заметил, как монеты пропали, во фокусник!

Был еще повод для столь почтительного ко мне обращения. Это мои сабли. Причина одна: мало кто владел двуручным боем, не редкость, но мало, как это ни парадоксально звучит. Двуручные – это значит высшая степень мастерства, а местные это ценят. Тот, кто не умеет биться на двух саблях, не носит их демонстративно на поясе. Причин несколько, одна из них и самая главная – нужно доказать, что ты но-

сишь их по праву, а то все так нацепят и будут ходить. Поэтому бывали случаи вызова на бой подобных самозванцев, заканчивающиеся их смертью. Бой обычно шел до смерти. Поэтому и не находилось желающих носить две сабли. Если ты, конечно, не мастер этого вида боя. Подобные мастера болезненно реагируют на самозванцев. И небезосновательно, у них и зарплата другая, и доля в добыче несравнимая с долей простых воинов.

Обучаться двуручному бою довольно дорого, поэтому я представлял, какие мысли крутятся в голове у хозяина заведения. Богато одет, знатный. К тому же переплатил. Две сабли – значит, очень богат и очень знатен. Так что проблем с местными не должно было возникнуть.

Войдя в освещенную свечами корчму, я посмотрел на ковры, они были везде.

– Господин сразу пройдет в свою комнату или сперва поест? – спросил Мустафа.

Он шел за мной следом, за ним раб с моими вещами. Мальчишка остался с лошадьми.

– Господин желает спать, – ответил я.

Из своей роли я не выходил, вел себя и разговаривал так, как и положено знатному дворянину.

– Господин что-то ищет? Увидеть в столь благословенных краях русского дворянина, да еще одного, не частое дело. На моей памяти впервые.

– Привык видеть только рабов? – усмехнулся я, повернув-

шись к нему.

– Всякое бывало, – пожал плечами Мустафа.

– Я боярин Олег Красновский, из плена выкупился, возвращаюсь домой. Хочу в Кырым наведаться. Челядь прикупить, боевых холопов.

Это действительно было так. Русских воинов в аулах и селениях не было, только деревенские. От них проблем меньше, тогда как про воинов можно сказать так: сколько волка ни корми, он все в лес смотрит. Местные это прекрасно понимали, поэтому воинов еще на ранних стадиях отделяли и продавали в города. В каменоломнях, на галерах, везде нужны крепкие невольники. Мне они встретились дважды, но их вели из города в город или на продажу. В селении их не было. Как пояснил мне Михылыч, в ауле можно встретить только бояр или боярских сыновей. Причем они не работают и живут в более или менее сносных условиях, Михалыч не в счет, там личное, у некоторых даже слуги свои. Держат их в основном только для выкупа, если его нет, то каменоломни или галеры ждут.

Так что в моем случае, как это ни парадоксально, воинов проще купить. В общем, мой план пройти по степи огнем и мечом захирел без Михалыча. Вот и пришлось использовать резервный план. Я решил отправляться на Русь морем.

– Тамгу можно посмотреть?

Тамга – универсальный документ ханства. Это и личное удостоверение, и пропуск для не граждан. Естественно, она

у меня была. В трофеях нашел кусок выделанной кожи с серебряной насечкой размером со спичечный коробок. Михалыч пояснил, что это такое. Пропуск-подтверждение о продаже захваченного в бою дворянина. У всех местных глав селений они есть. Бывает, что воины захватывают важную шишку, которую потом выкупают семьи, вот и держат их.

Достав тамгу, я показал ее Мустафе. Низко поклонившись, он произнес:

– Если молодому господину будет интересно, то мой племянник Асфат держит постоянный двор в столице. Не в центре, конечно. У крепостной стены, но зато у него сытно и недорого. Также у него есть знакомые на рынке рабов. Он вам может помочь за деньгу малую.

– Хорошее предложение, Мустафа-абый, – уважительно обратился я к хозяину, судя по расплывшейся улыбке, это ему понравилось. – Я подумаю о нем. Когда отправлюсь дальше, вернемся к этому разговору.

Хозяин провел меня к комнате и указал на нее. Войдя, я показал рабу, куда положить мои вещи, и пока он это делал, быстро осмотрелся, благо свеча, которую занес и поставил на столик Мустафа, неплохо осветила комнату, да и глаза были привычны к темноте.

На стенах ковры, на полу тоже. Сбоку за занавеской лежанка, у решетчатого окна столик с кувшином. Стульев не было.

– Хорошая комната, – кивнул я Мустафе. – Не забудьте

разбудить меня в полдень.

Мустафа подтвердил, что разбудят, после чего они с рабом вышли.

Подперев дверь столиком, поставленным на-попа, я не умываясь и не раздеваясь рухнул на кровать. Как же хочется спа...

Как я и попросил, после обеда мне постучали в дверь. Одним слитным движением вскочив на ноги, я потряс головой. Со сна немного кружилась голова.

– Да?

– Господин попросил разбудить его в полдень, – услышал я за дверью голос Мустафы.

Убрав столик на место и приведя комнату в порядок, я открыл дверь:

– Хорошо. Благодарствую. У вас есть умывальни или купальни?

– Конечно, даже небольшой бассейн с чистой водой.

– Отлично, я пока разомнусь, а вы возьмите мои вещи, постирайте и приготовьте купальню. После разминки и мытья я пообедаю.

– Будет сделано, боярин.

Достав из поклажи тренировочные штаны, я быстро разделся, отдав сверток с одеждой вошедшей в комнату женщине славянского вида, видимо тоже рабыне. Подхватив сверток, она вышла, я же взял сабли и направился во внутренний

двор. Мустафа показывал мне дорогу.

Я удивился такому его поведению, но все оказалось проще. Постояльцев не было, последний караван ушел дальше три дня назад, через пару дней будет следующий, вот в этот промежуток я и попал. К тому же хоть и русский, но знатный. Да и интересно ему было со мной пообщаться. Это я узнал с его слов, напрямую спросил, он и ответил.

Каменный двор был тщательно выметен, так что, выхватив сабли, я стал делать легкую разминку, вращая заточенные полоски стали. Мустафа не уходил, отдав несколько приказов подошедшим слугам, он присел на принесенный топчан и стал жадно наблюдать за мной.

Когда я перешел к активной фазе тренировки, то, как мне кажется, двор заполнили все слуги, с открытыми ртами наблюдая за мной. Судя по виду Мустафы, и он видел подобное в первый раз.

Выйдя из «Дуновения ветра», я перешел к «Танцам с саблями», одновременно жонглируя подобранными в углу двора камнями. Этому меня учил Игорь, не доучил, но я упорно продолжал тренировки, все-таки выдав результат.

Жонглировать – это со стороны кажется просто, да сейчас я уже не контролирую каждое движение, делаю все машинально, но раньше что было... Со стороны я смотрелся завораживающе. Стою я на месте не двигаясь, только сабли рассекают воздух, да несколько камешков в воздух подлетают. Это жонглеры жонглируют руками, тут моими руками бы-

ли сабли. Их тыльные стороны. Сложнее было предугадать, куда полетит камень, когда по нему ударишь. Сперва я просто жонглировал, потом уже одновременно с этим начинал делать тренировочные движения, то «Укус осы», то «Пчелиный танец». Так что со стороны казалось, что сабли не только жонглируют, но и находятся в постоянном движении, в танце, можно сказать.

Кстати, когда я рассказал про свой сон о рае, Михалыч довольно серьезно отнесся к этому. Он по полочкам разложил все, что там было, особенно его внимание привлек тот отрубленный кусок облака, с которым я падал. В результате его измышлений получалось, что именно оно мне помогает в воинском искусстве. В принципе, меня тоже удивляло, что я после попадания в этот мир так быстро стал делать успехи в двуручном бое, даже несмотря на изнурительные тренировки. Раньше они такими же были, но особых успехов я не добивался, а тут почему-то все стало получаться? В общем, неоднозначный вывод сделал Михалыч. Я его не опровергал, но и не поддерживал. Получается – и ладно.

Отбив последний камешек так, что он улетел вслед за остальными в кувшин с широким горлышком, который стоял у стены, я замер в низкой стойке и, выдохнув, одним слитным движением вернул сабли в ножны.

Несмотря на покрывающий меня пот, дыхание за час достаточно плотной тренировки... да ладно, показушной тренировки, так и не сбилось.

Мустафа, похоже, только сейчас заметил непорядок во дворе, поэтому зарявкал, отправляя слуг работать.

– Вы великий воин, боярин, – поклонившись, с восхищением сказал он.

– Спасибо. Что там с купальнями?

– Уже готовы, пройдите за слугой, вам там могут и помогут.

В процессе купания меня две девушки очень неплохо поработали – после тренировки массаж был самое оно.

Завернувшись в простыню, я прошел в обеденный зал.

– Скажи мне, Мустафа-абый. Те рабы, их выкупить можно? – спросил я про славян, что были у хозяина корчмы в кабале.

– Почему нет. Полная серебряная монета за каждого.

– Сколько?! Это же не ремесленники! – возмутился я, наблюдая, как к нашему столу несут подносы. Корчмарь решил разделить со мной трапезу.

– На рынке дешевле, боярин, – пожал он плечами.

– Так то на рынке, – вздохнул я. – Они вообще кто? Русичи? Древляне? Дреговичи, кривичи и радимичи?

– Поляки.

– Ах эти... Эти пусть батрачат. Забудем о моем предложении.

– Молодого боярина еще что-нибудь интересует?

– Сколько осталось до столицы?

– Два дня верхом.

– Ну, я так и думал. Сегодня у вас переночую, а завтра с утра отправлюсь дальше. Вы мне с собой провизии приготовьте.

– Сделаем, боярин.

Осторожно задавая вопросы, я узнал много нового, особенно цены на товары. Что и за сколько можно купить. Мустафа как источник информации был на вес золота. Он сидел на караванной тропе и знал многое, новости через него проходили быстрее всего.

До вечера я еще раз потренировался, проведаль лошадей, искупался и ушел к себе. На рассвете меня разбудили.

– Все готово, боярин, – слегка поклонился кочмарь. Раб в это время крепил сверток с провизией на вьючную лошадь. На пару дней мне должно было хватить.

– Спасибо, Мустафа-абый. Обслуживание было выше всяких похвал. Вот вам за старания, – подкинул я полузолотой. Не от благодарности, а мне еще раз захотелось посмотреть на фокус с исчезновением. Видимо, это была фишка корчмаря, потому как он не сдвинулся. Даже не пошевелился, но монета пропала, не долетев до земли.

«Ловко», – мысленно восхитился я, заметив, как пошевелился широкий рукав халата. У хозяина корчмы была «быстрая рука».

Кивнув на прощанье, я развернул Рыжика и ударил пятками по бокам.

Через минуту, поднимая пыль, мы скрылись за ближай-

шим поворотом.

Чтобы добраться до бывшей столицы Крымского ханства, как и сообщил Мустафа, мне потребовалось два дня. В этот раз я не заезжал в следующую корчму, хотя одна попалась, а ночевал под открытым небом. Среди моего скарба был трехлитровый медный котелок, так что путь был беспроблемный. Пищу было на чем готовить.

Мысль добраться до местной столицы незаметно я отбросил после некоторых размышлений. Всегда есть шанс, что тебя заметит какой-нибудь пастушок и задумается, что этот воин крадется. Нет, ехал я открыто. Нагло.

За все время пути мне часто встречались путники, ехавшие в ту же сторону или навстречу. Это были или крестьяне на больших арбах, или десятки воинов в патруле, или сопровождающие важных персон. Крестьяне мне раскланивались, воины задумчиво провожали глазами. Один раз навстречу попался длинный караван.

К обеду второго дня, когда я взобрался на вершину очередного холма, по которому пробегала дорога, то замер в восхищении. В этом мире я уже девятый месяц, да что там, десятый пошел, а видел только кочевья с юртами да два небольших селения с каменными домами. Тут же, окруженный высокой крепостной стеной, со своими минаретами и... церковью?! высился средневековый город. Восточный, но все же.

– Интересно, до наших времен хоть что-нибудь сохранилось? Или археологи ползают да черепки собирают? – пробормотал я минут через десять, когда вдосталь налюбовался на белоснежный город – все дома и стены там были окрашены в белый цвет, наверное, известкой – и, чмокнув губами, тронул поводья. Мы стали спускаться с холма. До ворот, через которые лился человеческий поток, оставалось пара километров.

Десяток стражников стоял в створках, исполняя контрольно-пропускной режим.

– Блокпост недоделанный, – буркнул я, с интересом наблюдая за их работой. – Как нищие омовцы работают.

В своей легенде я был уверен. Проверку она прошла, к тому же тут больше смотрят на поведение, чем на документ. Да и какому беглому рабу придет в голову пробраться в город в одежде с чужого плеча?

Десятник сразу определил, кто я, и уверенно поднял руку, приказывая остановиться. От выезжающей из города арбы, которую потрошили пятеро воинов, отделились трое и подошли ко мне, окружая.

«Что-то больно они резвые. Может, местечковый план „Перехват“?» – задумался я.

В это время десятник, спросил:

– По какой причине господин желает посетить благословенный Кыргыз?

Однако я сам сломал его тон. Подбросив золотой на ладо-

ни, я небрежно ответил:

– Боярин Красновский желает прикупить себе рабов на вашем рынке. Я думаю, такой великий воин, как вы, десятник, должен понимать, что знатному боярину никак без челяди?

– Это так, боярин, – слегка поклонившись, ответил десятник, жадно глядя на монету, мелькавшую между моих пальцев. – Но мне нужно вас зарегистрировать.

– Боярин Красновский. Выкупился из плена у мурзы Раиф-оглы. Направляюсь домой.

– Тамга? – протянул руку десятник.

Отдав ему тамгу, я проследил, как он придирчиво осмотрел ее, после чего, удовлетворительно кивнув, вернул. Проверка прошла штатно. По вензелям легко можно было определить, что эта тамга с печатью именно этого мурзы.

– Мне будет приятно, если столь славные воины выпьют за мое здоровье, – подбросил я монетку. К сожалению, десятник столь выдающимися данными, как корчмарь Мустафа, не обладал, но желтый кружок все равно исчез в складках его одеяния.

– Может, благородному господину посоветовать, где лучше всего остановиться? – еще ниже поклонившись, спросил десятник. Вот что сила денег творит.

– Было бы неплохо. – Теперь у меня между пальцев замелькала серебряная монета.

– Для богатых господ, не мусульман, есть гостиница. Ею

владеет грек Мустафа.

«Еще один Мустафа, – мысленно хмыкнул я, внимательно слушая десятника. – Кстати, слово гостиница он сказал на португальском».

У меня уже было разведанное место для жилья, тот же родственник корчмаря, но я все равно сделал вид, что меня заинтересовал рассказ десятника. Отблагодарив его монетой, я тронул поводья, въезжая в город.

Улицы города были пыльными, однако смрада, которым так пугают историки, не чувствовалось, а когда я заметил повозку, вывозящую мусор и навоз, то понял, что жители города заботятся о чистоте.

Городок мне понравился, узкие кривые улицы, минареты, встречались и трехэтажки. Отъехав на сто метров от ворот и завернув за ближайший угол, я свистом привлек к себе внимание стайки мальчишек.

– Кто монетку заработать хочет? – спросил я.

Детишки разом закричали, подняв руки.

– Мне нужен постоянный двор Асфата.

– Я знаю, – вышел вперед крепкий паренек лет двенадцати. Одет он был в мусульманскую шапочку и бело-серое одеяние до пят. Обуви не было.

– Веди, – кивнул я.

Пока мы неторопливо шествовали, я как бы ненароком поинтересовался, что случилось в городе. Почему стражники на воротах так усердно работают.

– Восстание рабов, – пожал плечами мальчишка.

«М-да, не вовремя я сюда заявился. Хотя можно на этом восстании снять все сливки. А что? Хорошая идея. Нужно ее обдумать и узнать цену за восставших рабов».

На мой вопрос мальчишка только пожал плечами, что недорого – он знал, но сколько – точно не имел понятия.

Негромко разговаривая с мальчишкой, я шагал рядом, ведя коней на поводу, и вскоре мы дошли до постоянного двора Асфата, племянника корчмаря Мустафы.

Постоялый двор племянника корчмаря оказался не особо крупным, комнат на двадцать, не больше. Двор тоже не блистал размерами, однако для сооружения за крепостной стеной был довольно большим.

Как только мой маленький проводник ткнул пальцем в нужный дом, я бросил ему мелкую медную монетку и вошел в мощный каменной брусчаткой двор через распахнутые ворота, ведя на поводу лошадей.

От каменного сарая, в котором я безошибочно опознал конюшню, ко мне метнулся мальчишка лет тринадцати-четырнадцати. Славянин. Судя по выделанному кожаному ошейнику с арабской вязью, раб.

– Господину нужна комната и вкусно поесть? – низко поклонившись, спросил он.

– Ты не ошибся, парень, – ответил я. – Нужна комната дней на пять. Еще я хочу продать лошадей, они мне больше не нужны. Вещи в лучшую комнату, ужин туда же.

Было часов семь вечера, пришло время ужина, хотя я еще даже не обедал. Торопился успеть до закрытия ворот.

– Хорошо, боярин, все будет сделано.

Во дворе появилось еще двое рабов, только уже взрослых, и мусульманин лет тридцати пяти. Это был хозяин постоянного двора Асфат. С ним-то я и урегулировал свой постой, передав привет от дяди. Убедившись, что все вещи уложены в комнате, которую я запер на ключ, спустился вниз, где у одного из обеденных столиков меня ожидал Асфат. Зал не сказать чтобы был полон, но семь постояльцев в нем присутствовало, предаваясь жору. Славян кроме рабов тут не было, поэтому многие с интересом провожали меня взглядами. И некоторые не самыми добрыми, правда, замечая две сабли на боку, многие отворачивались. Самозванцы прекрасно знали, что их ждет в случае встречи с настоящим мастером двуручного боя, поэтому старались не показываться на глаза в людных местах. Перед девками пофорсить – это одно, но выйти на улицу... Считаю подписал себе смертный приговор. «Добрые» люди быстро донесут до ушей подобного мастера о самозванце. Так что многие понимали – сабли я ношу не просто так.

Асфату я уже представился и пояснил, для чего оказался в столице.

– Цены на таких рабов упали вдвое. Восстание, – пояснил он, задумчиво поглаживая узкую бородку. Пока я ел вареную баранину, он вводил меня в курс дела.

– Возможность купить есть? И вам не надо думать, куда девать бунтовщиков, и я покупаю хороших воинов.

– Да их уже, наверное, продали на галеры, – отмахнулся Асфат. – Бунт подавили еще два дня назад, не нашли три десятка рабов, прячутся где-то, вот их и ищут.

– Это понятно. Я хочу прогуляться до рынка рабов и осмотреться. В порт съездить, узнать, есть ли тут славянские корабли. Как скоро они возвращаются.

– Это можно устроить, я сам, к сожалению, не могу сопроводить тебя, боярин, но проводника выделю. Это мой старший сын Али. Он знаком со многими моими приятелями из торговцев и посодействует тебе в поисках. В порту он тоже как у себя дома. Поможет. Только сегодня поздно туда ехать, но завтра я прикажу подготовить повозку, и вы отправитесь в порт.

– Хорошо, я щедро отблагодарю, если все хорошо получится. А пока рассчитаемся...

За постой я не платил, просто отдал Асфату лошадей, более того – он добавил мне одну серебряную и горсть медных монет. Лошади были отличные. Конечно, он немного обманул меня в цене, но я об этом знал и был не против.

После ужина я вышел во двор. У выхода, метрах в трех справа, сидел на корточках двенадцатилетний мальчишка из местных. Он гонял щепкой большого жука.

Следом за мной вышел Асфат.

– Это мой сын Али. Али, проводи боярина, как я тебе ве-

лел.

– Хорошо, отец, – вскочив, поклонился он.

Мы вместе с сыном хозяина вышли со двора и куда-то направились вдоль одной из кривых улочек города. Народу на улицах было достаточно, судя по тому, как часто мне вслед оборачивались. Воин славянского вида, да еще с саблями – на Руси сабельников было очень мало, основное оружие это меч – видимо, был не частым явлением на улицах столицы.

Али шел рядом молча, но интерес у него ко мне был, и неслабый. Я замечал, какие он бросает на меня взгляды из-под длинных ресниц. Больше всего его интересовало оружие. Чтобы как-то завязать разговор, я спросил:

– Али, скажи мне, если меня вызвали на бой. Например, такой же сабельник. Какие там правила?

Мальчишка не задумываясь ответил, видимо прекрасно знал эту тему разговора или видел результат. Судя по тону, меня он искренне считал самозванцем, да еще беспокоящимся за свою шкуру.

– Правил особых нет. Мастер вызывает на бой самозванца и убивает его. Все зависит от умения мастера...

Дальше он рассказал случай двухнедельной давности, когда в город въехал парень лет двадцати пяти с двумя саблями на поясе. Это в аулах мастера не встретишь, вот он и привык красоваться, а как въехал в город, сразу же нарвался на двух мастеров, идущих из чайной. Дальше судьбу этого идиота предугадать было нетрудно. Народ быстро рассту-

пился, образуя арену метров сорок на сорок, и один из мастеров зарубил парня. Одним ударом, даже не напрягся. В общем, если бы тот парень победил, то это воля богов, и он мог носить сабли как мастер. Кстати, и такой случай рассказал Али, правда, происходило это полгода назад. «Самозванца» заметили на площади, о чем тут же сообщили ближайшему мастеру, десятнику Ханиф-оглы, он как раз проводил тренировку стражников, и стали ждать зрелищ. А для чего еще сообщать? Однако тут зрителям пришлось разочарованно разойтись. Оба мастера вышли друг против друга и покрутили саблями, красиво, но на этом было все. Оба поклонились друг другу и разошлись. Вроде как визитные карточки мастеров друг другу предьявили и разошлись. Неплохо система продумана. Меня несколько забавляло, что двухсабельников возвели в культ, показалось или нет, все это было сделано специально.

– Идти лучше к Агабек-оглы, у него самый лучший и качественный товар, – предложил Али.

Слышать такое про людей, да еще русских, было не совсем приятно, но я кивнул. И следом за Али, лавируя между прохожих и зазывал, направился к дальним шатрам. На площади, где устроили рынок, было многолюдно, несмотря на позднее время.

Почувствовав чужую руку на поясе, я ухватил ее левой рукой и одним движением сломал. Послышался тихий писк-всхлип. Не оборачиваясь, я проследовал дальше.

Рабы сидели по-разному, кто в простых загонах, это в основном крестьяне и ремесленники, то есть не буйные. Остальные в кандалах в сарае.

Дойти до шатра, что принадлежал Ахмету, мы не успели, нам преградили дорогу двое местных самого устрашающего вида.

Толпа вокруг разом отхлынула в сторону, и мы оказались на чистом пяточке.

Раздвинув амбалов, вперед вышел угрюмого вида половец с длинными тонкими усами ниже подбородка, в кольчуге и с темляком десятника на шлеме. Больше всего мое внимание привлекли две сабли на поясе, только вот носил он их как японцы. Интересный типаж.

– Чужак посмел войти в славный Кыргыз, да еще, недостойный, нацепил две сабли, – прорычал он и тут громко же провозгласил: – Я вызываю тебя на бой мастерства!

Бывает такое, увидел человека – и сразу резкая антипатия к нему возникает. Вот и у меня так.

Он стоял в пяти метрах от меня, амбалы отошли к толпе, в середине образовавшегося участка остались я, мастер и Али.

Не успел я сказать Али, чтобы он отошел в сторону, как десятник выхватил сабли и стал крутить ими. Я с большим недоумением смотрел на него, пытаюсь понять, зачем он бессмысленно режет воздух. Чем-то его бессистемные движения напоминали «Танец с саблями», но в столь топорном исполнении, что я несколько терялся.

Как только он перестал изображать мельницу – может, со стороны это и казалось красивым, но к мастерству никакого отношения не имело – мои дальнейшие действия были вполне предсказуемы. Я достал медную монетку, бросил ему под ноги и буркнул:

– Скоморох!

Причем голос я даже не думал понижать.

– Я тебя порежу на ленточки! – взбешенно вскричал он.

Али уже отбежал, так что я спокойно отреагировал на его бросок. Молниеносно выхватив сабли, принял один его клинок на правую саблю, второй пропустил над головой, сделал шаг в сторону – и спокойно воткнул левый булатный клинок ему в бок, достав сердце.

Судя по мастерству, которое продемонстрировал мне этот десятник, уровень у него ученика, но никак не мастера, а ведь, по словам Али, десятник стражников Ханиф-оглы считался сильным сабельником. Охренеть, тогда кто я?

Достав тряпочку, которую держал специально для этих случаев, я протер клинки, но прежде чем вернуть их в ножны, сделал серию «Укус осы». Со стороны казалось, что замелькавшие сабли изогнулись в движении и гладят меня, не касаясь тела. А когда на глазах ахнувших в восхищении зрителей одна из сабель обвилась вокруг моей ноги и прошлась вверх и вниз, то мне показалось, ахнул весь город. Это, конечно, был оптический обман при быстром движении, но на то и рассчитано.

Теперь я стал достаточно популярным в городе, местные ценили подобное мастерство очень высоко. Но и в этом были свои минусы, слух обо мне может дойти до мурзы, тамгой которого я столь нагло пользуюсь, а мне пока этого не надо. Тут средства связи допотопные – посыльные да в редких случаях голуби, но нужно будет поторопиться. Поэтому я решил урезать время своего пребывания в этом городе на два-три дня. По плану, после изучения рынка рабов, мне нужно было узнать, есть ли в порту русские корабли, договориться и от этого отталкиваться, строя планы.

Вернув сабли в ножны, я отошел в сторону, придирчиво рассматривая камзол. Мне показалось, что несколько капель крови попали на него.

– Вы лучше Ханифа-оглы, – убежденно сказал подбежавший Али. Больше никто ко мне приблизиться не смел. Ладно бы был свой, местный. А тут чужестранец, тем более русич. Боялись, и правильно делали.

Вызов мне бросили, так сказать, официальный, при множестве свидетелей, так что по закону я был неподсуден. Поэтому несколько удивился, когда ко мне подошли трое воинов-стражников.

Крови я на одежде не обнаружил, так что, убрав тряпочку, посмотрел на остановившихся рядом воинов, жестом приказав Али замолчать.

– Чужеземец. Начальник стражи желает с тобой поговорить. Иди за мной, – приказал старший из воинов. Слегка

морщинистый, с такими же тонкими усиками, как у убитого, сорокалетний половец.

– Али, что у нас по плану? – спросил я у проводника и немедленно получил ответ:

– Осмотр рабского рынка и беседа с уважаемыми торговцами.

– В планах есть посещение начальника охраны города?

– Не-ет, – удивленно протянул паренек.

– Слышите? Мой секретарь сообщит вам, когда я буду свободен. Али, пошли.

Никакого желания посещать местную шишку у меня не было, поэтому я и послал воинов столь завуалированно. Ну их на хрен, местных мурзов... мурзыв... мурзиков? Интересно, слово мурза склоняется?

– Стой! Если ты не пойдешь сам, мы...

– Поведете меня силой? – нагло перебив его, поинтересовался я, резко разворачиваясь и положив ладони на рукоятки сабель, слегка вытянув их из ножен.

– Да, – коротко ответил он, жестко посмотрев на меня.

– Попытайся, – ответил я таким же взглядом. – Я не раб, чтобы прибегать по первому свисту своего хозяина. Пшел прочь!

«Сейчас прольется чья-то кровь. Сейчас... сейчас», – мысленно промурлыкал я.

Служба в армии, последовавшая за ней инвалидность и перерождение сильно изменили меня. Я терпеть не мог дав-

ления и принуждения, реагируя на них, как бык на красную тряпку.

К моему удивлению, воин, резко кивнув, развернулся и направился обратно. Чуть помедлив, два воина последовали за ним.

– Умен, – задумчиво проводив его взглядом, протянул я.

– Ты бы справился с ними, боярин? – спросил Али.

Все, кто стоял рядом, замолкли. Мне показалось, у некоторых выросли уши, а у других повернулись в мою сторону.

– Да. За пару ударов сердца. Воин это понял и решил отступить. Нам в какой шатер?

– Вон в тот, синий, с красными полосами, – протянув руку, указал Али.

– Идем туда. Скоро стемнеет, а нам еще возвращаться.

– Хорошо, – мальчишка зашагал рядом. – А Ханиф-оглы был плохим мастером?

– Он не был мастером, – рассеянно ответил я, отслеживая обстановку вокруг.

– Но он многих победил, да и другие мастера его признали.

– Что же у вас за мастера такие? Ханиф никогда не учился двуручному бою. То есть, я хотел сказать, его никто не учил. Могу предположить, если проанализировать его движения и стиль боя, что был охранником или слугой у мастера и наблюдал, как тренируются ученики мастера. Потом, скорее всего, в укромном месте повторял. Все удары ученика

при обучении должны ставиться мастером. Он должен отслеживать все движения и поправлять. У Ханифа такого нет, так что он не обучался, а именно подглядывал и как обезьянка повторял движения.

– Но он...

– Да, он мог победить даже опытных воинов, тут главное доведение ударов, даже плохо поставленных, до автоматизма, что он и сделал, став полумастером.

– Понятно. Он тоже был самозванцем, – задумчиво протянул Али.

– Близкая аналогия, – согласился я.

В это время мы подошли к нужному шатру, вход которого охраняли два высоких ниггера с дубинками в руках.

– Мы к Агабек-оглы, – произнес Али.

Пока один из охранников что-то прокричал внутрь шатра, пост он не бросил, я посмотрел на двенадцать воинов в полном вооружении, которые направлялись к нам. Их намерения были видны невооруженным глазом.

– Личные воины начальника, стражи Кырыма мурзы Агдаль-оглы, – пояснил Али, тоже обернувшись на шум амуниции. На базаре снова наступила тишина. Немногочисленные торговцы и многочисленные покупатели наблюдали за тем, как к нам подходят стражники.

Вот странно, с человеком в двух шагах разговаривать невозможно было, настолько сливались в один ор и крики зазывал и споры продавца и покупателя, топот, рев живот-

ных, а тут все разом стихло. Интересное явление.

– Хозяин ждет вас, – слегка поклонился один из охранников. Второй продолжал стоять как истукан. Проходя, я «случайно» задел его локтем, отчего он подобострастно поклонился, хватая открытым ртом воздух.

Шатер был огромен, поэтому я не удивился, когда увидел, что он разделен на комнаты занавесями из светлого шелка.

Пройдя по этому коридору, Али откинул одну из занавесей и вошел в небольшое помещение размером квадратов сорок.

Полулежавший на топчане смуглый полный мужчина посмотрел на нас, кивком приказывая наложнице отойти. Та, кстати, кормила его щербетом с рук.

– Али, мальчик мой! – воскликнул торговец и, несмотря на свое телосложение, довольно резво вскочил на ноги.

– Дядя Агабек! – воскликнул парень.

Потрепав моего провожатого по макушке, торговец с прищуром оценивающе посмотрел на меня.

– Дядя, это мастер двуручного боя, боярин Красновский. Он хочет купить русских воинов. А это лучший торговец Кырыма Агабек-оглы, – представил нас друг другу Али.

– Ты, молодой боярин, пришел куда надо. У меня есть любой товар, – слегка кивнул торговец.

– Дядя, он победил Ханифа, – тихонько прошептал Али, пропустив звание мастера перед именем десятника.

– Видел, мальчик мой, – так же тихо ответил торговец.

Шептали они едва слышно, но я все понял.

– Проходите, молодой человек, – указал он на узорчатый ковер, в середине которого стоял столик.

Мы уселись вокруг него. Хлопнув в ладоши, торговец запустил людской конвейер. Сразу же рядом с нами засуетились наложницы, расставляя яства.

Мы спокойно поели, разглядывая танец живота в исполнении одной из наложниц. Музыка была так себе для моего искусственного слуха, а танец ниче так, один раз посмотреть можно.

Торговец отлично знал русские обычаи, перед серьезным разговором надо покормить гостя и только потом приступать к деловым разговорам.

Насчет рабов из бывших воинов мы договорились быстро, послезавтра к обеду их подготовят к осмотру. Торговец кивнул, когда я продиктовал, кто мне нужен. На завтра у меня по плану посещение Кафу, где находился порт. Дорога туда-сюда займет много времени, поэтому я и договорился на послезавтра.

– Лазутчиков у меня было только двое, оба участвовали в бунте и резне у главных ворот. Их четвертовали. Но я спрашиваю у других торговцев.

Лазутчики – в местном понимании разведчики. Пластуны, если проще. Они мне были нужны, поэтому я согласно кивнул головой.

– Скажите, юноша, почему вы отказались от предложения

светлоликого мурзы Агдаль-оглы? – вдруг спросил торговец.

– Попросили невежливо, – пожал я плечами.

– Агдаль-оглы очень вспыльчивый и мстительный мурза. Ханиф-оглы был его подручным, исполнявшим темные поручения.

– Кстати, мне он не показался особо умелым сабельником.

– Он им никогда и не был. Настоящие мастера за своего его не считали, но он был под рукой мурзы, который ему покровительствовал, запретив мастерам трогать своего человека. Всем известен характер мурзы.

– Тогда многое становится ясным.

– Как мне сообщили, у входа в мой шатер тебя ожидают двенадцать воинов мурзы.

– Да пусть ожидают, – отмахнулся я.

– Но вы же не будете сидеть тут вечно. Я, конечно, уважаемый в городе торговец, но влезать между вами мне бы не хотелось.

– Да и не надо. Сам справлюсь. У меня только вопрос: я могу убить этих воинов?

– Ты сильный мастер, но и тебе не совладать с лучшими воинами мурзы.

– Вот это меня как раз не особо волнует. Что мне за это будет?

– Если они вызовут тебя на бой, то ничего, а вот если ты нападешь на них сам – четвертуют.

– Понятно. Сделаем так, чтобы этот мурза утерся.

– Гордыня – это грех, – укоризненно покачал головой торговец. Али сидел рядом и, работая челюстями, внимательно слушал нас.

– Это вы случайно не по Священному Писанию христиан шпарите? – усмехнулся я.

– Я христианин, – просто ответил торговец, заставив меня закашляться.

– Предупреждать надо, – выплюнув виноград, пробормотал я.

– Думаете, как может христианин продавать людей?

– Да нет. Мне пофиг.

– Но вы христианин?

– Пока еще не определился, хотя... Расскажите мне про самые сильные стороны мусульманства...

Через двадцать минут закончив с торговцем и договорившись о времени посещения его загона и сараев, где он держит рабов – утром нам нужно было в порт, а уж после можно и на рынок, – мы вышли из шатра. Оба охранника сразу же поклонились, даже достаточно низко. Уважают.

Стоявшие несколькими мелкими группками воины мурзы оживились. Площадь была полна. Нет, не так. На ней не то что финику упасть было негде, так еще все дома, балконы и даже крыши были оккупированы зрителями. Судя по слугам с опахалами на ближайшем балконе, тут были и важные персоны.

– Да я тут популярностью пользуюсь, – усмехнулся я и

нагло раскланялся.

Как только воины мурзы приблизились, я оттолкнул Али в сторону, чтобы не мешал, и направился к ним навстречу. Мальчишка вернулся к входу шатра и сел на вынесенный топчан, где в первом ряду уже устроился торговец. Его, видимо, нисколько не пугала близость возможной схватки.

Передо мной стояли двенадцать воинов. Не салабонов, а нормальных, с немалым боевым опытом. Вол-চারы, вот что про них можно сказать. Но не думаю, что они побывали в реальном бою, скорее всего, усмирители бунтующих рабов. В этом случае навык можно было наработать. Это мне в плюс, несмотря на победу над самозванцем, я для них все такой же славянин, будущий раб. Опасный, но не слишком.

«Какие они суровые, как бровки-то на помаженные хмурят. Ой, ща лужу напущу!» – мысленно хмыкнул я.

Чуть склонив голову, я скрестил руки на груди.

– Чем обязан? Для чего столь великим воинам, которые одним взглядом разрушают горы, понадобился маленький забитый русский боярин? – спросил я слегка подрагивающим голосом, стараясь не рассмеяться. Ничего опасного в этой ситуации я не видел.

Некоторые воины приняли мои слова на веру, расправив плечи и кидая вокруг грозные взгляды: все ли расслышали мои слова о них? А вот старший и еще два воина не повелись.

– Ты подло убил десятника Ханиф-оглы. Мы хотим свершить правосудие! – прогремел над огромной площадью его

голос, а где не прогремел, там передали благодарные зрители.

– Все сразу? – спросил я, скукожившись и испуганно втянув голову в плечи.

– Все вместе! – резко кивнул старший воин.

– Ну и хорошо, – расправив плечи, буднично ответил я. И уже громко: – Я принимаю вызов от столь славных воинов!

Выхватив сабли, я сделал тренировочный комплекс тычковых ударов, перейдя на «Тень ветра». Перед тем как начать, заметил ужас в глазах воина, он понял, что они крепко влипли.

Я так понимаю, они на прошлом бое не присутствовали и слышали только рассказы. Где мой финт был посчитан подлым ударом.

– К бою! – рявкнул я.

Надо отдать старшему должное, он быстро пришел в себя и начал командовать своими воинами, которые стали окружать меня.

Нападать они не спешили, выжидаяще глядя на меня. Ага, ждите. Игорь еще на первых тренировках вдалбливал мне, что в соотношении большого количества противников на меня одного нужно занимать оборонительную позицию, что, возможно, приведет к победе. В атаке всегда есть шанс нарваться на случайный удар. Противников много. Острых железяк тоже.

Так мы и стояли, отслеживая движения противника. Все

были опытными, смотрели на ноги друг друга. Мне было тяжелее, они окружили меня. Я быстро смог проанализировать по движениям и вооружению воинов, что против двуручного они никогда не выходили. Они были вооружены саблями и небольшими щитами, ранее находившимися за спиной. Про шлемы и кольчуги я не говорю, но у троих еще имелись наручи. У них был мизерный шанс справиться со мной, если бы их вооружение дополняли копья или нечто похожее, с длинным древком.

Решив с чего-то начать, я ковырнул носком сапога втоптаный между камней брусчатки камешек и подкинул его, приняв на саблю. Через пару секунд я уже жонглировал четырьмя камешками. Тут старший скомандовал атаку, решив, что я слишком увлекся этим занятием. Я уже давно не сосредотачивался на жонглировании, так что атаку не пропустил, хотя она и была достаточно качественной. Быстро отправив в полет все четыре камешка так, что они попали в лица четырех воинов справа, я рванул к ним. Пока они на мгновение потеряли ориентацию от удара и боли – кажется, одному я попал в глаз, от чего он стал вытекать – провел серию быстрых ударов.

Дезориентированных воинов мне не составило труда дорезать, просто пробежав мимо, коснувшись острой саблейшей и вскрыв сонные артерии. Мало того, я еще успел скрестить клинки с пятым, он первым успел к нам. Приняв его первый удар, я присел и второй саблей ударил по ногам. Од-

ну успел отрубить и задеть вторую. Дальше пришлось отскакивать, меня оттеснили от раненого остальные.

«Минус пять», – мысленно пропел я. Пока мы дрались, раненые истекали кровью, хотя даже с медицинской помощью у них не было шансов. Я знал куда бить. Дальше было веселее. Остальные семь воинов стали отжимать меня от четырех тел и шевелившегося обрубка, я их использовал как препятствия, мешающие вести бой в строю. Эдакие мягкие камни.

Работали они уверенно, даже как-то с огоньком. Видимо, решили отомстить за убитых товарищей.

Для меня это был фактически первый бой лицом к лицу с множеством противников. Бой в долине, поединок с подделкой и тренировочные спарринги не в счет, так что я упивался новыми ощущениями. Одновременно я изучал противников.

«Командир их, сразу видно, пороху не нюхал. Да, опыта турнирных схваток ему не занимать... Но реальный бой, через боль, пот и кровь – это другое дело. Хорошо, что я крови не боюсь!»

Дальше была просто тупая рубка. Я часто пользовался ногами, ударом о щит, откидывая то одного воина, то другого. При первом таком ударе я воспользовался неожиданностью и образовавшейся прорехой в строю, воткнув острия сабель в бока воинов, стоящих слева и справа от выбитого, сократив их количество до пяти. Удары пришлись подмышку, пробив

кольчугу, так что они не жильцы. После чего едва успел отскочить, остальные не дремали и активно махали своими железками.

Мне быстро наскучило это тупое топтание на одном месте и я, ускорившись, врезался в щиты, отбив в сторону удары двух сабель. Двое воинов отлетели, тут же вскочив на ноги, но уже было поздно, строй распался, разбившись на отдельные схватки. Тут я уже был в своей стихии.

Дальше ничего особо трудного не было, я и двигался быстрее, и оказался более умел в схватке. Закончив с четырьмя оставшимися, я выдернул застрявшую в ребрах одного из воинов саблю и посмотрел на стоявшего и глядевшего на меня исподлобья старшего воина. Его я оставил напоследок.

Дико закричав, он рванул в атаку. Отбив довольно умелый удар в сторону, я возник у него сбоку, ударом ноги сзади под колено свалил его и приставил обе сабли к шее, сделав эти ножницы из лезвий, и только потом огляделся. Площадь безмолствовала. Не такого зрелища они ожидали.

Посмотрев на макушку стоявшего на коленях ко мне спиной воина, я сомкнул лезвия, глядя, как по окропленной кровью брусчатке покатила голова. Сработали «ножницы».

– Боги рассудили наш поединок! – крикнул я ритуальную фразу.

Достав тряпочку, протер лезвия и вернул оружие в ножны, после чего махнул рукой Али и направился к выходу с площади.

Безмолвная толпа расступилась, образовав широкий коридор. Али уже догнал меня, поэтому я спросил:

– Чего это они?

– Они вас не знают, – пожал плечами мальчишка.

– О как?

Остановившись перед образованным коридором, я вскинул руки и прокричал:

– Слава воинам, сложившим свои головы во имя веры.

– Да-а!!! – вскричала толпа, радостно скандируя мои последние слова. Чего им еще надо, зрелище было – вот и радуются. А что чужак? Всякие воины бывают. И черные и желтые.

«Ну все, мосты за собой я сжег, нужно убираться отсюда побыстрее. Пока все идет по плану, должен обо мне слух пойти на Русь. При возвращении мне это ой как пригодится. Главное чтобы не траванули, от железок я еще отмахуюсь, но вот яд в еде не распознаю. Нужно быть осторожнее и быстрее сматываться».

Пройти по коридору мы успели метров на десять, когда из толпы вышел воин и преградил нам дорогу. Вот тут я напрыгся. Это были не те двенадцать деревенских увальней – это был настоящий ВОИН. Тем более мастер, я сразу заметил две сабли, рукоятки торчали из-за спины.

– Мастер, – слегка поклонился он мне.

– Мастер, – вернул я поклон.

Нам не нужно было демонстрировать зрителям распозна-

вание, мы узнали друг друга по движениям.

– Это мастер Али-оглы, – задергал меня за рукав проводник. В его голосе слышалось искреннее восхищение.

– Почему ты убивал их так долго? Ведь ты мог это сделать за шесть ударов сердца, – спросил воин.

– Хлеба и зрелищ, – пожал я плечами.

Воин понял. Поэтому, снова уважительно склонив голову, он отошел в сторону. На его место вышел еще один мужчина, вернее старик за шестьдесят лет. Это был местный вельможа, мурза, и не из слабых и бедных, а реальный такой богач. В его движениях сразу чувствовалась властность.

– Главный советник хана мурза Абади-оглы, – тихо прошептал Али.

– Боярин Олег Красновский, сын бывшего воеводы Великого Новгорода, боярина Кузьмы Михайловича Красновского. Пятнадцать лет, – негромко проговорил советник. Такие голоса не повышают, их и так слушают открыв рот. Вельможа – мать его.

«Оп-па, здравствуй, жопа, новый год. Быстро меня вычислили», – мысленно пробормотал я. Стряхнув растерянность, я расправил плечи.

– Меня радует, что столь известный вельможа, главный советник светлоликого хана знает обо мне, – поклонился я.

По идее сейчас должно последовать предложение, от которого я просто не смогу отказаться. Так и вышло.

– Я слышан о твоём отказе начальнику стражи, поэто-

му сам решил пригласить тебя ко мне во дворец. Меня порадовал поединок, подобное мастерство я видел дважды, ты третий.

– Я принимаю ваше предложение, о главный советник, – снова поклонился я.

Если бы не явная издевка в моем голосе, можно было подумать, что я преклоняюсь перед ним. Вельможа был достаточно умен, чтобы понять это, поэтому удивленно моргнул, но, к моему удивлению, еще и умудрился подмигнуть мне, сделав потом морду кирпичом. Ой не прост этот советник, ой не прост.

«Да его все это забавляет! – только сейчас понял я. – Ладно, посмотрим, что там у него за дворец. Кажется – эта встреча мне еще пригодится».

– Али, возвращайся к себе, а то скоро стемнеет, а я приму приглашение советника. Не забудь, утром нам нужно в порт.

– Хорошо, – кивнул мальчишка и быстро исчез в толпе.

Советник неторопливо и величаво развернулся и сел в поднесенный паланкин, который несли шесть невольников. Рядом пристроилась охрана из восьми воинов. Девятым был тот мастер, он служил старшим охранником у мурзы.

Подойдя к мастеру Али-оглы, я вопросительно приподнял бровь.

– Следуй за мной, – велел он.

Мы неторопливо зашагали за паланкином. Сперва по площади, потом по главной улице, достаточно широкой и ров-

ной по сравнению с остальными.

– О чем задумался? – спросил у меня мастер Али-оглы.

– Да вот думаю, что носильщики достаточно крепкие, да и место в паланкине есть. Могут и двоих понести, – ответил я.

Поначалу Али не понял, о чем я. С недоумением переводил взгляд с паланкина на меня и обратно. Но потом вдруг согнулся от смеха.

Мастер оказался удивительно смешливым, он поохотывал до конца нашего пути. Чтобы закрепить успех, я рассказывал анекдот:

...Попал татарин после смерти в ад. Ему объяснили, что каждую тысячу лет наказание меняется, и предложили выбрать первое. Сначала ему показали камеру, где молодого мужчину секли плетьюми. Новичку это не понравилось. Потом его привели туда, где более старого грешника подвергали пытке огнем. Татарин и на это не согласился. В следующей камере потрясающая блондинка делала минет старику. Татарин сказал, что выбирает это. Черт подошел к блондинке и сказал: «Идем, твои мучения окончены»...

Отсмеявшись, мастер спросил, что такое минет. После подробного объяснения он уже идти не мог. Против татар он ничего не имел, так как в Крыму их было не так много, в основном ногайцы да половцы. Да и специфику веры тоже не комментировал.

Рядом трясся паланкин. Оказалось, вельможа с интересом прислушивался к нашему разговору, и теперь, как и мастер Али, смеялся над моей немудреной шуткой.

– Еще можно? Можно ли услышать столь интересные рассказы, о сказочник? – поинтересовался Али.

Сказочниками тут называли не врунов или им подобных, а профессиональных рассказчиков вроде наших актеров разговорного жанра, так что я не обиделся.

– Почему нет? Нам, кстати, далеко?

– Нет. Вон виднеются башни дворца Абади-оглы, – показал он на три высокие башни за мечетью.

– Значит, пару анекдотов успею рассказать. Тут идти пару минут. Слушайте следующий.

...Татарин женился на ногайке и говорит ей:

– Если у меня тибетейка на затылке, значит, настроение хорошее и можешь делать со мной что хочешь. А если надвинута на лоб, то лучше не подходи ко мне...

А жена отвечает:

– Если у меня руки скрещены на груди, то я тебя накормлю, в постель уложу и делай со мной что хочешь. А если руки в боки, то мне пофиг, где у тебя тибетейка!!!

Так под смех вельможи и воинов, охрана тоже не осталась в стороне, мы дошли до дворца. Без шуток, это сооружение просто никак по-другому не назовешь. Во дворе фонтан, до-

рожки выложены мозаичной плиткой, цветные стекла в витражах, бассейн на заднем дворе. Даже трава и кустарник подстрижены в английском стиле. Красиво, что уж говорить. И слуги. Много слуг, когда носильщики, шлепая босыми ногами, проносили мимо паланкин, они бросали работу, вставали на колени и кланялись. У многих слуг были рабские серьги в ушах, у некоторых ошейники.

Вельможа с кряхтением покинул паланкин – возраст, что скажешь – и направился в сопровождении слуг во дворец.

– Идем за мной, – велел мастер Али.

Мы пошли через парадный вход, но не за мурзой, а повернули направо и, пройдя через пару комнат, коридор, поднялись по красивой мраморной лестнице и оказались в большом зале с маленьким фонтаном в центре. Судя по обстановке, зал предназначался для важных разговоров. Столик, заставленный фруктами, топчаны. Мягкие ковры, на которых возлежали хозяева, и помост для танцовщиц.

– Располагайся, хозяин скоро подойдет.

– Хорошо, – устроившись на топчане, я взял свежий персик и, протерев его об обляпанный кровавыми пятнами камзол, надкусил.

В это же время зазвучала музыка, в основном в духовом исполнении, струнный инструмент был всего один. Музыкантов я не видел, но судя по направлению, откуда звучала музыка, было понятно, что скрывались они за шелковой занавеской.

В это же время шелковый занавес впереди, справа от скрытых музыкантов, откинулся и на подиум выпорхнула девушка лет пятнадцати-шестнадцати, в шелковых одеяниях и, на миг остановившись, стала танцевать. Девушка, судя по внешности, была азиаткой, но удивительно красивой и фигуристой. Из ее уст, словно мелодичный звон колокольчиков, полилась песня.

Поначалу я не понял смысла танца, но потом как ударом тока пронзило: «Укус пчелы», вот что это было. Я об этом танце только слышал, но сейчас наблюдал воочию. Как бы вам пояснить, что это такое? Одним словом – это стриптиз! Самый настоящий, неприкрытый стриптиз.

Девушка, мягко двигаясь по постаменту, невесомыми палками рук «отгоняла» от себя невидимую пчелу. Ее уста порой смыкались, прерывая пение, а сквозь зубы вылетало навязчивое жужжание «насекомого». «Пчела» кружила вокруг девушки, заставляя ту изгибаться в самых причудливых и сладострастных позах. Это было необычайно пластично и сексуально притягательно. Я, избалованный телевидением и стриптиз-клубами, и то не сразу смог справиться с наваждением. Ай да мурза, нашел-таки у меня слабое место.

А танец меж тем становился все более и более мистическим, буквально завораживая мое сердце. Опасная «пчела» одним махом «залетела» в рукав танцующей, заставив ту завертеться волчком, срывая с себя одну деталь одежды за другой. Было видно, как девушка боится «укуса пчелы»,

как она топчет упавшее платье, рубашку, шаровары, но... ах! При снятии последнего, сугубо интимного предмета туалета «пчела» все-таки исхитрилась совершить свое черное злодеяние! Гибкое и смуглое тело вздрогнуло, невероятно прогнувшись, и словно забилося в последнем, яростном экстазе невыносимо сладкой боли...

Когда я пришел в себя, девушки и разбросанной одежды уже не было.

– Какая девушка... Пери, а не девушка, – восхищенно пробормотал я. Вспомнив о персике, я разжал руку и посмотрел на раздавленный плод. Я не то что о персике забыл, я его даже не дожевал.

Один Али стоял у входа как изваяние, но было видно, что и на него танец произвел впечатление. Странно, он же по идее часто должен был его видеть. Выработать иммунитет.

В это время в зале появился мурза. Посмотрев на меня, он прошествовал к свободному ковру и возлег на него, положив локоть на топчан.

«Так вот он для чего, а я-то думаю – узкий и сидеть неудобно», – подумал я и почти сразу сполз с топчана, зеркально повторив позу старика. Поправил ножны левой сабли, она врезалась в бок, и устроился поудобнее.

– Дорогой Абади-оглы, мне хотелось бы выразить свое восхищение и отблагодарить за столь восхитительный, воспетый поэтами танец. Но сперва хочу задать один вопрос, – чуть склонил я голову. – Дозволяешь ли?

– Дозволяю, – ответил мурза.

– Возможно ли купить танцовщицу?

Неожиданно для меня старик захохотал, сзади посмеивался Али. Судя по поведению обоих, я допустил изрядную оплошность.

– Я не продаю собственных детей, – отсмеявшись, пояснил старик.

«Оп-па, и что это было? Дочка вельможи танцует перед безродным мастером. Какого хрена?!» – удивился я.

– Удивляешься, почему моя дочка перед тобой танцевала? – вытирая выступившие слезы, спросил старик.

– Есть такое дело, – осторожно ответил я, вдруг тут за то, что видел ее обнаженной, полагается тащить под венец?

– Не беспокойся. Она у меня избалована, с танцовщицами подружилась, я не мешал, подружек-то у нее почти не было. Многому научилась, но не танцевать же ей перед друзьями и знакомыми? Позору не оберешься. Дочь советника пляшет перед гостями...

– А я тут при чем?

– Ей хотелось поверить в себя, что может танцевать, есть у нее способности, а тут ты под руку подвернулся. Я не мог отказать дочери, – хихикнул старик.

– Ясно, – уныло сказал я. – Потешаетесь над бедным юношей.

Понять было действительно не трудно, девушка проявила себя. Поверила, что что-то может. Ну а то, что я выступил в

роли зрителя – так это просто стечение обстоятельств. Тем более через пару дней меня тут не будет.

Вздыхнув, я попросил:

– Дорогой Абади-оглы, прикажите принести мне струнные музыкальные инструменты. Я сам выберу себе нужный.

Мурза улыбнулся, но сразу понял, зачем мне это надо, согласно кивнул и махнул рукой, приказывая принести слугам инструменты. Ответ был прост: я не хотел оставаться в долгу, а этот танец, по моему мнению, подразумевал именно это, и решил ответить песней, правда, без танца. Тут не подкопаешься – я отблагодарил и ничего не должен.

Слуги внесли десяток инструментов, один из них, вроде лютни, показался мне вполне подходящим, к сожалению, гитар не было.

– Может, пригласим вашу дочь? – спросил я, настраивая инструмент.

– Пожалуй, – кивнул старик, и, к моему удивлению, действительно велел позвать девушку, что заставило меня резко поменять репертуар. Я-то хотел спеть старику про жадного богача, но пришлось импровизировать.

Девушка появилась сразу. Как только она присела у ног советника, я тронул струны лютни.

...Эти глаза напротив – калейдоскоп огней.

Эти глаза напротив ярче и все теплей.

Эти глаза напротив чайного цвета.

Эти глаза напротив – что это, что это?

Пусть я впадаю, пусть,
В сентиментальность и грусть.
Воли моей супротив эти глаза напротив.
Вот и свела судьба, вот и свела судьба.
Вот и свела судьба нас.
Только не подведи, только не подведи.
Только не отведи глаз.

Эти глаза напротив – пусть пробегут года.
Эти глаза напротив – сразу и навсегда.
Эти глаза напротив – и больше нет разлук.
Эти глаза напротив – мой молчаливый друг.

Пусть я впадаю, пусть.
В сентиментальность и грусть.
Воли моей супротив эти глаза напротив.
Вот и свела судьба, вот и свела судьба.
Вот и свела судьба нас.
Только не подведи, только не подведи.
Только не отведи глаз... ¹

По моему мнению, девушка вела себя странно. Она положила локти на топчан, подбородок на скрещенные ладошки и не отрываясь смотрела мне в глаза, слушая песню. Вложив в голос страсти, а во взгляд любви, я мстил ей за танец со страшной силой. Пусть тоже кончит.

¹ Слова Т. Сашко.

Как только песня смолкла, я прикрыл глаза, возвращаясь к действительности. Хлопки ладоней вернули меня в реальность. Девушки уже не было, хлопал старик.

– Прекрасная песня. Вы пели с легким акцентом, это добавило шарма, – прекратив хлопать, сказал советник, после чего приказал слугам накрыть стол.

Почти мгновенно вместо маленького столика с фруктами внесли другой, с мясными блюдами, а старый вынесли.

Посмотрев на мясное блюдо, которое передо мной положили, я с подозрением взглянул на советника. Понимающе усмехнувшись, он дотянулся и золотой ложкой подхватил с моего блюда несколько кусков мяса и гарнира из овощей, отправив их в рот.

– Я знал, – радостно воскликнул я и принялся за еду.

Подтерев куском мягкой лепешки соус с тарелки, я отправил его в рот. Поздний ужин – на дворе уже давно наступила ночь – мне понравился, и вкусно и сытно.

– Думаю, можно уже поговорить на тему моего приглашения. Вы ведь это сделали не просто так? – спросил я, когда столик унесли.

– Это так, молодой человек. Кто ты – я не знаю, Олега Красновского все лучше не поминать, он мертв. Меня заинтересовало, кто ты и почему столь нагло пользуешься чужим именем?

– А вам не все равно? Оба Красновских мертвы, месть

свершилась, что еще надо?

– Красновский убил моего племянника, так что у меня есть повод интересоваться. Старший Красновский пропал почти год назад. Ты знаешь, где он?

– Мертв, умер как воин с мечом в руках.

– У него были отрублены большие пальцы, – попытался поймать меня на лжи советник.

– Я сделал протезы. Так что меч он мог держать в руках.

– Хм, вот как? – задумался старик, но потом после некоторого размышления спросил: – Почему ты пользуешься его именем?

– Последняя воля. Он усыновил меня и попросил отомстить предателю. Это я и собираюсь сделать.

– Я знаю, кто он.

– Я тоже, – пожал плечами я, не давая посадить себя на крючок.

– Основное я выяснил... Когда ты собираешься покинуть ханство?

– Наберу боевых холопов, найду судно, отходящее на Русь, и уйду. Рассчитывал управиться за пару дней.

– Я тебе помогу. Как советнику мне многое ведомо. В порту два ушкуя из Московии, отходят они через четыре дня. Пришли вместе, уходить тоже будут вместе. У тебя есть шанс попасть на них, я прикажу начальнику порта договориться о пассажирах. Сколько ты хочешь набрать холопов?

– До тридцати.

- Хорошо, я отправлю своего человека. Платить владельцам будешь сам.
- Спасибо.
- Я приказал приготовить тебе комнату.
- Но у меня...
- Утром тебя разбудят. Я распорядился, однако начальни-ка стражи все-таки поостерегись. Злопамятный человек.
- Я тоже.

Через пару минут после умывальни я оказался в мягкой постели, проваливаясь в сон. Советник мне очень понравил-ся. Отличный старикан с характером, похожим на мой, так что подлости я от него не ждал, но все равно забаррикади-ровал все двери и повесил импровизированную сигналку на окна.

Утром жители Кырыма были привычно разбужены на-мазом муэдзина. Песню-крик с мечети изредка заглушали вопли на русском:

- Да заткнись ты! Дай поспать, рэпер долбаный!

При этом русский язык некоторых местных, живущих ря-дом с дворцом советника, обогатился выражениями типа: «падля», «сюка», «тварь болотная», «язык вырву» и «че-люсть в желудок вобью».

Рано утром, когда я, не выспавшийся и поэтому с плохим

настроением, вышел в обеденный зал, советник с бодрым аппетитом уже уплетал завтрак. Рано они тут встают.

– Добрый день, Олег. Прекрасное утро, не правда ли? – поприветствовал он меня.

– Здравствуйте, советник. Утро не может быть добрым, – зевнув, аккуратно прикрывая ладонью рот, ответил я.

– Почему? – искренне удивился он. По бокам от него стояли двое слуг, которые подавали столовые приборы или поддвигали ближе тарелки с понравившимися советнику кушаньями. Бессменный Али все так же подпирал потолок у входа.

– Потому что утро, – логично ответил я, присаживаясь и замирая, пока ловкие слуги суетились вокруг меня.

– Не выспались?

– Есть такое дело, советник.

– Завтракай – и можешь отправляться в путь. Твой попутчик уже ждет у входа. Кстати, забавную историю услышал мой домоправитель, когда встречал воз со свежими продуктами. Оказалось, во время утреннего намаза кто-то непочтительно перекрикивал муэдзина на русском и ногайском. Причем, со слов очевидцев, неизвестный кричал со стороны моего дома, – тут он остро взглянул на меня поверх пиалы с чаем.

– Врут, – убежденно ответил я и тут же перевел разговор на другую тему: – Что там с русскими кораблями?

– Я отправил посыльного в Кафу, он предупредил купцов

о вас. Место у них есть, и они не против пассажиров. Что и как – договоритесь на месте.

– Хорошо, спасибо, – кивнул я.

Во время завтрака мы еще пообщались, в основном о моих планах в городе.

– Тут я тебе помочь не смогу. Часть бунтовщиков находится в тюрьме, коей руководит начальник стражи. Можно было купить их по небольшой цене, но...

– А я с ним на ножах. Тут затык – это понятно. Ничего, что-нибудь придумаем.

После завтрака я в сопровождении мастера Али вышел на улицу, где меня дожидалась повозка с другим Али и ездовым.

Быстро поздоровавшись маленьким с Али и распрощавшись с мастером, я сел в повозку и велел трогать.

Дорога до порта вылилась в три часа мучений на тряском тарантасе. Рессор тут никто не знал. Я не только задницу отбил, но и кишки все растряс. Хорошо еще, что говорить особо было не о чем, а то еще и язык бы прикусил.

Порт мне понравился. Крупный, со складами, с каменными пирсами, у которых стояло множество кораблей. Аж семь штук покачивалось на мелкой волне.

Вокруг порта раскинулся достаточно крупный город Кафа, тут также был свой рынок рабов. Али сказал, что он тут побольше крымского.

Вторая столица Крымского ханства Бахчисарай, которая

ранее называлась селением Салачик и находилась в горной долине у подножья древней горной крепости Кырк-Ер, по ходу нашего движения осталась сбоку. То, что Крым расположен на плоской равнине, являющейся частью степного Крыма, в нескольких десятках километрах от моря, вынудило хана несколько десятков лет назад перенести столицу туда. Как сказал Али, нынешний правитель ханства хан Нур-Даулат-Гирей сейчас находился именно там. Мне это было не особо интересно, но Али болтал без умолку, я же, крепко стиснув челюсти, чтобы не прикусить язык, слушал этот водопад слов.

Дорога, вившаяся между холмов и скал, привела нас к крепостным воротам, которые охраняли шесть воинов. Чтобы попасть в порт, нужно было проехать через всю Кафу.

Ворота мы проехали не останавливаясь. Груза не было, одни пассажиры. На меня только посмотрели внимательно, но благополучно пропустили. Мою одежду, пока я спал, конечно, постирали слуги советника, но часть кровавых пятен вывести так и не смогли – засохли, так что я бы остановил подозрительного пассажира в плохо отстиранной одежде. Вдруг с убитого снял, да и о бунте рабов не стоит забывать. Однако, как я уже говорил, пропустили нас беспрепятственно. Думаю, даже уверен, что они были извещены.

Через двадцать минут со стуком колес по брусчатке мы подъехали к одному из ушкуев, который, слегка поскрипывая рангоутом и корпусом, покачивался на мелкой волне.

– Али, останься тут, я сам пообщаюсь, – велел я, осторожно слезая с тарантаса.

– Хорошо, боярин, – кивнул мальчишка и, спрыгнув на пирс, стал разминать ноги.

Перед тем как окликнуть полусонного вахтенного ушкуя, у трапа которого мы остановились, я внимательно осмотрел оба суденышка. Голубое море залива, крики чаек и портовых служащих, плеск волн о пирс – все это создавало какофонию звуков порта. Мне тут нравилось.

«М-да. Это не корабли, больше на шлюпки смахивают, хоть и с палубами», – размышлял я рассеянно. Прикидывая, разместимся мы на них или нет.

При внимательном изучении тот ушкуй, около которого мы остановились, был морским судном с палубой и двумя маленькими каютами на носу. Он имел два трюма в обоих концах судна. Управлялся рулевым веслом, его еще называют кормовое. Судя по оснастке, тут стоял косой парус. В бортах были проемы, тут же в специальных держателях висели весла. Три люка, два больших зачехленных – это явные трюмы, и один на носу – он вел в жилые помещения. Судно имело светло-коричневую окраску, с желтой полосой на ватерлинии. В длину – чуть больше тридцати метров и в восемь, а может, и в девять в ширину. Борта возвышались над водой чуть больше, чем на метр. По-видимому, судно было груженым.

А вот второе судно меня больше заинтересовало. Могу

ошибиться, но мне показалось, что это ладья. Размером она была метров на семь меньше ушкуя, но имела более хищный вид, не торговая толстопузая, а боевая, быстроходная. Цвета корпуса – синий с красным. Судя по посадке, тоже груженная, но летящий вид она от этого не потеряла. В отличие от ушкуя, ладья имела две мачты с парусным вооружением, хотя проемы для весел были и у нее.

Мельком я окинул взглядом остальные корабли. Всего семь больших и три маленьких. С горы я рассмотрел только большие, посчитав маленькие шлюпками. Три из больших были турецкими торговцами, одна военная галера тоже турецкая. Два торговца с флагами ганзейского союза. Была еще испанская каравелла вроде тех, на которых Колумб до Америки шлепал. Каравелла – это я от себя сказал, черт его знает, что это было за судно. Про ушкуй и ладью я уже сказал, но было еще одно небольшое судно. По оснастке – с виду каботажное. Одномачтовый барк, если мне память не изменяет.

Разглядывая ушкуй и ладью, я задумался. А что если прикупить себе такой кораблик? Денег у меня с лихвой хватит и на покупку корабля и на покупку холопов. Может, среди невольников и команду найду?

Корабли стояли у причалов и разгружались или, наоборот, загружались. Работа шла постоянно. За ладьей находился каботажник, перед ушкуем два места были пусты, но дальше покачивался испанец. Галера и турецкие корабли стояли дальше, за каботажником. Суда ганзейского союза заня-

ли самые лучшие места, у здания, где находились портовые службы и заседал сам начальник порта. Тут проходила ближайшая дорога из порта и большие склады.

В это время подошел Али и отвлек меня от размышлений:

– Боярин, на ладью хозяин приехал, – ткнул он пальцем в две арбы с товаром, которые подъехали ко второму судну.

«Ага, не ошибся я, ладья это!» – хмыкнул я довольно и энергичным шагом направился к остановившимся телегам.

Один из матросов сразу заметил, что я подхожу, поэтому указал на меня торговцу.

Торговец обернулся и стал пристально рассматривать меня, я тоже с интересом его изучал. Это был невысокий, но жилистый мужчина за сорок. Не полный и без брюха, как описывали русских купцов в сказаниях, однако шикарная борода до пупка присутствовала. Одет он был в красный кафтан до колен и черные сапоги. Штаны едва разглядел, но вроде синие. Без шапки. Да и кому она сейчас нужна? Солнце жарит, как будто сейчас не весна, а середина лета. Хотя у меня шапка была сбита на затылок.

Подойдя к купцу, я спросил:

– Ты владелец этих судов?

– Нет, моя только ладья. Ушкой Михаила Прохорова, мы оба из Москвы. Ты новый пассажир? Мне сообщал о тебе начальник порта.

– Да. Боярин Красновский из Великого Новгорода. Выкупился из плена.

– Купец Севастьян Соловейчик, по батюшке Сергеевич, – степенно представился купец. – По пути будет, но мы только до Москвы можем доставить.

– Путь какой? – поинтересовался я.

– Через Малое море, потом Дон и Итиль. Через Казань идем, – так же степенно ответил купец.

«Малое – это Азовское, потом Дон, через волок на Итиль, это та же Волга, но там вроде казаки и татары бесчинствуют», – задумался я и спросил:

– Грабят?

Купец поморщился, но утвердительно кивнул:

– Бывает и такое. Нужно ухо остро держать и иметь охранную грамоту. У нас такая есть.

– Понятно. Я вот что подумал, Севастьян Сергеевич, – было видно, купцу понравилось, что я называл его по имени отчеству, поэтому, довольно приосанившись, он согласно кивал в ответ, – думаю свое судно прикупить. Что скажете?

– Это можно, если средства позволяют, боярин. Втроем все не так страшно идти. Опасный путь. На той стороне, где склады, есть судовые сараи и затон. Там захваченные суда стоят. Есть там и ушкуй, и две ладьи, мне начальник порта предлагал.

– Так, может, этим и займемся? Поможешь боярину русскому? У вас кормчий опытный? Положиться можно?

– Отличный кормчий. Да и я неплохой корабел.

– Хорошо, у меня есть повозка, можно хоть сейчас отправ-

ляться.

Купец согласно кивнул и, развернувшись, закричал:

– Андрей, остаешься за старшего! Смотри мне, тюки с шерстью по правому борту клади!

– Хорошо, Севастьян Сергеевич, – откликнулся русоволосый парень лет двадцати пяти.

– Авдей? Подь сюды, – окликнул купец другого моряка. Это был пропитанный солью старый морской волк, как сказал бы какой-нибудь писатель, увидев его. Я же назвал его просто кормчим, он же капитан, моряк по сути своей.

– Что, Севастьян Сергеевич? – спустившись по трапу, поинтересовался он.

– Боярину из Великого Новгорода нужно помочь купить судно. Выкупился от нехристей, домой возвращается. С нами он пойдет, третьим.

– То хорошее дело, – солидно кивнул Авдей, пристально изучая меня.

– Боярин Красновский, – кивнул я.

– Старший кормчий Авдей Никитин, – тоже представился моряк. Старший кормчий означает, что он старший навигатор в этой связке судов. Тут и заработок выше, но и ответственность неслабая.

Оставив команду на погрузке, мы втроем подошли к тарантасу и сели на сиденья. Сам тарантас мог вместить шестерых, так что устроились свободно.

Когда мы проезжали мимо каравеллы, я заметил на палу-

бе пару скупающих вахтенных, и, видимо, офицера на юте. Он, облокотившись на резные перила, наблюдал за нами. Но небольшие пушки на палубе привлекли мое внимание куда больше, чем члены команды, поэтому я внимательно осмотрел судно.

«Хм, надо будет заскочить сюда на обратном пути», – прикинул я.

Пока грохотали по камням пирса, объезжая порт, я спросил, где можно найти команду.

– Свободных нет. Если только купить как холопов, – задумался купец.

– Севастьян Сергеевич, а если команду «Ласточки»? С ладьи купца Романова? – подсказал сидевший рядом с купцом Авдей. Соловейчик скривился, услышав фамилию купца. Пока мы ехали, он поведал мне вот какую историю.

Кзаками на Дону была захвачена ладья с владельцем и всей командой, которую и продали половцам. Так они и оказались в Крыму.

Ладья Соловейчика и ушкуй Прохорова пришли в ханство осенью, когда только становился лед на реках, для зимовки и торговли. Они тут на паях сняли лавку. И в то же время в порт пришла захваченная ладья, которую и определили на другую сторону. Тут и начались неприятности. За купца заплатили, месяц назад на ушкуе пришел его родственник, который выкупил не только самого Романова, но и ладью. Естественно, про команду никто и не вспомнил, и сейчас они как

невольники трудились в порту.

Родственник на ушкуе привез не только деньги, но и новую команду. Так что они быстро ушли обратно, а старая команда осталась.

– Вот и оказалось, что дешевле нанять новых членов команды, чем выкупать старых, с которыми восемь лет вместе бок о бок плавали, – закончил рассказ купец.

– Отличная команда. Семеро их было, да двоих на галеры продали. Кормчий Федор Немцов все реки знает. Всю Русь обошел, и к шведам ходил, и тут бывал. Если купите, то не пожалеете, – поддержал купца Авдей.

– Нужно посмотреть, – удовлетворенно кивнул я. Если команда сама идет мне в руки, почему бы не согласиться?

Объехав часть порта, обогнув рыбный рынок по краю, мимо многочисленных рыбацких фелюг и шаланд, мы выехали на противоположную сторону, где находились корабельное имущество и стоянка трофейных судов.

– Вон стоит Абрар, он тут главный, и это он отвечает за продажу судов, – показал рукой в сторону невысокого половца в тюрбане и дорогом халате купец. Тот на вошеной дощечке что-то записывал, подсчитывая мешки и часть груза с разгружавшегося, огромного по местным меркам, морского ушкуя. Явный трофей, видимо, недавно пригнали. Авдей кивнул, подтверждая, судно два дня как появилось в порту. По обводам кормчий определил принадлежность судна к Речи Посполитой. Польский был ушкой, только поляки такие

большие морские суда строили.

– Останови рядом с тем мужчиной, – велел я кучеру, ткнув пальцем в нужного нам человека.

– Хорошо, господин, – откликнулся он.

С начальником местных складов мы договорились быстро. Кроме свежепригнанного судна прошли предпродажную подготовку еще шесть судов. Два были на консервации, четыре покачивались в небольшом затоне, за складами. Со стороны их было не видно.

Поручив разгрузку заместителю, он присоединился к нам, сел в тарантас, и мы поехали к затону, решив начать с них.

Выбирали почти час, но ни одно судно мне не подошло, не удовлетворяло капризам. Там стояли откровенные торговцы, а мне нужно было нечто быстрое и достаточно вместительное.

– Скажите, Абрар-оглы. А тот ушкуй, что сейчас на разгрузке, его осмотреть можно? – спросил я, оставив судовые сараи напоследок. Особо ушкуй я рассмотреть не успел, но он был большой и имел узкий корпус, то есть со стороны не напоминал пузатого торговца.

– Конечно, – ответил местный начальник. – Сразу осмотрим?

– Лучше прямо сейчас.

Вот ушкуй мне понравился, это было большое двухмачтовое судно. По сравнению с судами русских купцов, с которыми я собрался идти на Русь, просто огромный лайнер. Кроме

двух небольших кают на носу, он имел кормовую надстройку двухметровой высоты, как на испанце, и еще две каюты, только на этот раз на корме. Трюм был один, посередине. Для судовой команды предназначалось небольшое помещение с возможностью подвесить гамаки. Продуманное суденышко. Только камбуза не было.

Корабелям понадобился почти час для изучения судна, пока они не дали добро.

– Непривычная постройка, я польские суда видел, это какое-то странное. И больше, и надстройка на корме – раньше я такие только на немцах видел, – сообщил Авдей, спускаясь на пирс.

Ушкой был тридцать девять метров в длину и одиннадцать в ширину. Он возвышался на полтора метра над уровнем моря. По словам кормчего Авдея, на волоке и на оттяжках будет трудно, но ушкой пройдет. Хотя посадка у него оказалась поглубже, чем у ладьи и ушкуя, к которым я решил присоединиться.

Вопрос с выкупом судна мы решили быстро. Нужно было поехать в главное здание порта и оформить там покупку ушкуя. Оставалась одна проблема – у меня не было команды, поэтому я сразу же обратился по этому поводу к Абрар-оглы.

Бывшая команда Романова, работавшая в порту, находилась под его ведомством. Этот вопрос решился так же быстро, как и с кораблем, покупка оформлялась в главном портовом офисе. Однако прежде чем покупать команду, я решил

пообщаться с людьми. Всякое бывает, вдруг у нас возникнет неприязнь друг к другу.

Тарантас остался у ушкуя, и пока Авдей вместе с Али продолжали осмотр судна, мы с Севастьяном Сергеевичем направились к складам, где под надзором трех надсмотрщиков трудилось три десятка невольников, и среди них старая команда Романова.

Местный начальник с нами не пошел, он нам был не нужен, и, забрав у помощника дощечку, стал сверять груз.

Когда мы остановились у распахнутых ворот склада, откуда доносился запах зерна, старший надсмотрщик сам подошел к нам.

– Вам что-то нужно? – достаточно вежливо поинтересовался он. Он видел, как мы раскатывали по пирсу в сопровождении начальника этого участка, и сделал соответствующие выводы.

В отличие от остальных надсмотрщиков, этот был одет в кожаную броню с металлическими вставками. Она гораздо дешевле кольчуги, хоть и не такая крепкая. На голове у него был русский шлем. На боку сабля и хлыст, в руках дубинка.

– Я хочу прикупить холопов для команды. У вас есть бывшая команда с «Ласточки», – ответил я.

– Да, господин. У нас есть такие. Ахмет!.. – окликнул старший подчиненного и быстро что-то залопотал. Этот язык я не знал, но попадались знакомые слова. Скорее всего, он был родственен ногайскому.

Через минуту передо мной стояли пятеро мужчин, одетых в откровенную рвань. Один так вообще использовал рубаху как исподнее, обмотав ее вокруг бедер. Судя по худобе, кормили их не лучшим образом. Длинные спутанные волосы сальными прядями падали им на лоб, закрывая глаза.

Старшему было не меньше сорока, и я понял, что это кормчий Федор Немцов, остальным около тридцати.

Осмотрев их еще раз, я поморщился от вони, которая от них шла, и негромко сказал:

– Я боярин из Великого Новгорода Олег Красновский. Выкупился из плена, возвращаюсь домой. Хочу предложить вам работу. Если пойдете судовой командой на мой ушкуй, по прибытии получите вольную и немного денег. Добраться до своих хватит. Могу добавить еще одно: я своих не бросаю. Кто согласен?

Невольники переглянулись, и вперед вышел тот, кого я принял за кормчего:

– Мы согласны, – и, бухнувшись на колени, взмолился: – Выкупи нас у басурман, мочи уже нет.

– Хорошо. Идите за мной.

Старший надсмотрщик отправил с нами одного из своих подчиненных, и мы дошли до ушкуя в компании с ним.

Несмотря на то что ушкуй и невольников я еще не купил, не проплатил то есть, и они мне еще не принадлежали, за мзду начальник участка разрешил перегнать судно на другую сторону порта, правда, отправившись с нами. Оказалось,

при оформлении сделки он получал процент.

Отходом от пирса я велел руководить не Авдею, а Федору Немцову. Работа команды мне понравилась, ловко у них все получалось, чувствовался опыт. Хотя, как мне показалось, пятерых для этого ушкуя явно было мало, не уверен, но думаю, ранее у него был экипаж не менее чем в двадцать человек.

Через полчаса мы пришвартовались у ушкуя Прохорова, как я говорил, рядом было пустое место. Спустившись по скинутому на пристань трапу, мы с начальником участка и купцом сели в подъехавший тарантас и направились в офис оформлять покупку.

Это заняло не так много времени, через полчаса я стал обладателем ушкуя и пяти рабов. За рабов я отдал ползолото, а вот за судно, несмотря на яростную торговлю, у меня ушло четыре золотых. Дорого.

Выйдя из здания таможни, я посмотрел на купца и спросил:

– Ну что, отметим это дело? Я щедро угощаю, если бы не ты и Авдей, я тут еще долго бы бегал.

– Вечером можно, – солидно кивнул купец. – А пока, думаю, тебе нужно заняться судном.

– Этим и хотел. Не подскажете самое лучшее заведение в Кафе?

– На Цветочной улице есть прекрасный трактир.

– Тогда в семь вечера?

– Что?

– К ужину? – предложил я. Цифровое время тут не знали, я еще не привык к этому.

– Хорошо.

Проводив купца взглядом – он направился в город, – я свернул листы купчих в трубочку и сунул за пазуху. После чего сел в тарантас и велел везти к ново-обретенному судну.

Пока я занимался покупкой, от команды не отходил надсмотрщик. Авдей и Али скучали, сидя на ступеньке, ведущей в трюм.

Предъявив надсмотрщику купчую, я отправил его обратно пешим маршрутом.

– Я еще нужен? – спросил Авдей, как только я взошел на борт.

Поблагодарив его и пригласив в таверну, я дождался, когда он отойдет от судна, и велел команде строиться.

– Давайте еще раз познакомимся. Я – Олег Красновский, боярин, сын бывшего воеводы Великого Новгорода. Был в плену, выкупился, теперь возвращаюсь. Все мои прежние слова остаются в силе. Вы получите вольную по прибытии к пункту назначения. Через два дня нам отходить. Поэтому ушкуй нужно привести в полную готовность к дальнему походу. Теперь представьтесь и доложите, что у нас по судну.

Вперед вышел кормчий:

– Федор Немцов, из Твери. Бывший кормчий.

– Хорошо. Теперь ты на прежней должности. Следующие?

Остальные представились быстро. Медведеподобный силач Силантий был родом из Рязани, рыжеватый Иван – из-под Новгорода, его тезка с родинкой на щеке и Андрей, бывший рыбак, оказались тверскими, как и кормчий. Купец Романов был тоже из Твери, так что и его бывшие люди были в основном оттуда.

– Так, на судне остается Силантий. Остальные на рынок. Покупаем одежду – и в баню. И готовимся к походу. После рынка и бани идем в таверну, а то уже кишка кишкой играет, – велел я.

Через минуту мы все вместе направились в город, Али захотел с нами. Нужно до вечера завершить самые необходимые и неотложные дела здесь и утром вернуться в Кырым, в обед я договорился с работорговцем, он должен был приготовить для осмотра рабов, моих будущих боевых холопов. Мы с Али ехали на тарантасе, остальные шли за нами. По городу мы двигались неторопливо, так что они поспевали.

Когда мы приехали на рынок, я поверил словам Али – тут действительно можно найти все, что душе угодно. Пришлось потрясти серебром и купить всем членам команды новую одежду, для Силантия выбирали на глаз. Обувь, пояса, ножи, как боевые, так и обеденные. Ложки с креплением, чтобы повесить их на пояс. В оружейном ряду купил десять боевых топоров, десять сулиц, шесть неплохих сабель. В углу, у старого морщинистого половца в стеганом халате и в тубетейке

я заметил два арбалета, не самодельных самострела, какие делали на Руси, а настоящих, со стальными дугами. Они заряжались «козьей ногой». Как продавец сообщил, продали их ему франки. Французы, стало быть.

Их я тоже купил, экипаж должен уметь защитить себя. Правда, металлических болтов было всего по сорок штук на арбалет, но зато у продавца нашлось шесть тренировочных болтов. Покупки мы складывали в тарантас, под охраной обоих Иванов. К сожалению, приходилось терпеть их вид и запах. Они все еще были в обносках, с серьгами рабов в ушах, но это исчезнет после бани.

Пока ходили по базару, купили беляшей и лепешки с мясом, слегка утолили голод. Время обеденное, все проголодались. Команда вообще жила впроголодь. В ханстве не особо заботились о рабах, их каждый год во множестве пригоняли. Так что смертность от голода и побоев была просто огромной.

Делая покупки для команды, я и себя не обошел. Приобрел два новых и дорогих кафтана, синий и зеленый. Три пары штанов, еще одну пару сапог. Три пары шелкового исподнего и две шапки. Остальное у меня было. Кроме того позаботился об обстановке для своей каюты. Ушкуй был выметен подчистую, так что пришлось и об этом подумать. Для команды взял гамаки и одеяла. Продавец обещал доставить покупки на корабль через два часа.

Кроме того, не забыл я и своих помощников, их тоже надо

было отблагодарить. Али я купил красивый дорогой расписной пояс и нож с серебряной насечкой на рукояти и ножнах. Было видно, как он ему понравился, и он гордо надел новый пояс. Угодил мальчишке.

Купцу в оружейном ряду я нашел красивый с отличным дымчатым лезвием боевой нож, а Авдею синюю шелковую рубашку. Он такую долго еще не купит. Дорогая штучка.

Вот так загрузившись, мы отправились в баню, у которой сняли с тарантаса одежду и пояса и отправили остальные вещи на судно. Там остался Силантий, разгрузит. Мы же подойдем позже.

В бане мне понравилось, даже парилка была, так что отдохнули мы знатно. Перед помывкой я отправил своих подчиненных к цирюльнику. Была там и такая услуга, и если команду побрили налысо, – вши и все такое, – то мне при помощи простых ножниц и расчески вернули настоящую армейскую стрижку. Древний парикмахер оказался мастером своего дела, понял все с полуслова.

Мы час не вылезали из бани. Команда радостно смывала с себя не только многомесячную вонь и грязь, но и как будто сдирала мочалками признаки рабства.

При выходе, с помощью древних кусачек, у всей команды сняли железные серьги рабов. После чего вымытые, распаренные, в чистой одежде, мы направились в ближайший портовый трактир, с аппетитом отобедали и вернулись на судно.

Силантий уже успел искупаться у пирса, и от него уже не

разило.

– Господин, – подошел ко мне, низко кланяясь, кормчий. Я как раз снес вещи в самую большую каюту и вышел на палубу.

– Лучше зови меня боярином. Только без подобострастия – не люблю. Обращайся как равный с равным, но не забывай, что я твой начальник.

– Хорошо, боярин. Арба с рынка подъехала, покупки ваши привезла.

– Пойдем встречать, – согласился я.

Али, пока я устраивался у себя в каюте, успел взобраться на переднюю мачту и там с перекладины рассматривал порт. Проходя мимо мачты к трапу, я велел ему спускаться.

Команда уже не выглядела как сборище оборванцев. Да, у них до сих пор был изможденный вид, но в новой одежде, с поясами и боевыми ножами, они смотрелись вполне прилично. Оружие я спустил вниз. Местные болезненно реагировали на подобные железки.

Окончательно расплатившись с продавцом, я велел сгружать привезенный товар. В основном – мягкую рухлядь, так в старину называли ковры, матрасы, подушки, перины да одеяла. Койку, стол и стулья у меня в каюте кормчий обещал сделать сам. Материал мы закупили, вот-вот подвезут. Правда, что такое шкаф, он не понял, не было их тогда, но по описанию обещал сделать. Двое из команды оказались отличными плотниками.

Следующие два часа на борту шла активная работа. К кораблю постоянно подъезжали арбы с материалами, продовольствием и бочками. Серебро и медь утекали рекой.

Когда мы практически заканчивали с погрузкой и подготовкой судна к походу – двое работали в трюме, двое у меня в каюте плотничали – подошел кормчий, он руководил всеми работами.

– Хозяин. Людей мало, ушкуй большой, для высокой волны создан, трудно будет.

– Есть предложение, Федор? – оторвавшись от изучения испанской каравеллы, спросил я.

– Еще люди нужны. Моряки.

– Много?

– Не меньше десяти, боярин.

– Ты не забыл, что у нас еще будет около тридцати человек?

– Места хватит, тут и сотня уместится, тесно, правда, будет. Но продовольствия хватит. Воины не моряки, а тут именно они и нужны. Ушкуйники.

– Знаешь, где их найти? – спросил я, продолжив наблюдать за каравеллой.

– Да, мы с такими работали. Отличные моряки. Просто им не повезло.

– Хорошо. Возьми Али, он все равно скучает, и приведи их сюда. Если подойдут, то выкуплю. Думаю, десятерых не хватит, шестнадцать-семнадцать в самый раз.

– Хорошо, боярин. Спасибо.

Али и Немцов сели в тарантас и укатили куда-то в сторону рыбного рынка, а я, спустившись по трапу на пирс, неторопливо зашагал к каравелле.

Минут через пять я остановился у трапа судна. Вахтенный, скучавший у одной из пушек, встрепенулся и что-то спросил.

– Хозяина позови, – велел я ему на английском.

Вахтенный с места не сдвинулся, но прокричал что-то в направлении люка, закрытого решеткой.

Через минуту на палубе появился другой испанец, этот был прилично одет, в шлеме, как у Кортеса. Оказалось, на судне осталось всего два человека, команда после получения жалованья развлекалась на берегу.

– Чего желает господин? – на плохом английском спросил он. Хотя, возможно, я знал более современную версию языка, отчего и понимал его речь с трудом.

– Да, мне хотелось бы поговорить с капитаном.

– Я капитан «Святой Анны». Поднимайтесь на борт.

Через пару минут мы с капитаном доном Родригесом сидели в его небольшой каюте. Познакомиться мы успели еще на палубе. Общались вполне свободно и в общем друг друга понимали.

При знакомстве я выяснил, почему они тут воздух пинают. Их судно было курьерским, они доставили в ханство своего представителя для налаживания торговли. Вот и ожида-

ли, когда он вернется из столицы.

После распития виноградного вина, кстати, местного, капитан попытался выяснить причину моей заинтересованности его судом.

Откинув полу кафтана, я достал один из пистолетов и протянул его капитану.

– Что вы можете сказать об этом оружии?

Родригес долго крутил пистолет, с любопытством разглядывая его. После моего разрешающего кивка – пистолет все равно был разряжен – он несколько раз щелкнул курком, выбивая кремнем искры, и ахнул в восхищении.

– Что я вам могу сказать, дорогой дон Олег. Видите клеймо мастера на рукоятке? Это довольно известный мастер, однако я не припомню, чтобы он выпускал подобное оружие. Подождите минутку... – капитан положил пистолет на столик, встал, подошел к занавеске и, откинув ее, что-то взял в руки. Когда он обернулся, я увидел в его руках аркебузу и пистолет.

Вернувшись, он сел обратно на парусиновый стул и протянул мне пистолет со словами:

– Сравните. Добавлю, что у меня лучшее оружие и самое дорогое.

Сравнивать было с чем, оружие оказалось не кремневым, а фитильным, в достаточно неказистом исполнении.

– Теперь взгляните на аркебузу, – протянул мне допотопный мушкет капитан.

Мало того что он весил хрен знает сколько, так вместо приклада – смех один.

– Да, разница чувствуется, – согласился я, возвращая капитану его оружие.

Водрузив все на место, он сказал:

– Рассматривая ваш пистоль, я вспомнил, что за два месяца до смерти мастер, изготовивший его, взял на работу помощника, говорят, одаренного юношу. Может, это его работа?

– Вполне может быть. А что случилось с мастером?

– Мастерская взорвалась. Погиб и он, и помощник. Так что могу предположить, что этот пистоль единственный в своем роде. Еще вина?

– Пожалуй, – согласился я и прикинул: «Попаданец? А что, вполне возможно. Начал ставить эксперименты, вот и подорвался».

– Вы не хотели бы его продать? Я дам хорошую цену. Серебряный талер.

Я рассмеялся, отрицательно покачав головой. У меня было другое предложение.

– Как насчет того, чтоб обменять его на пушку с запасом пороха, ядер и картечи?

Капитан скривился и отрицательно покачал головой. На судне испанца, которое он, кстати говоря, называл «Нао», было восемь пушек, по четыре с каждого борта и три на вертлюгах. Вот две таких я и собирался купить. Пушек у татар,

к сожалению, не было. В крепости я заметил несколько трофейных, но они не продавались. И вообще порохового оружия было мало и стоило оно дорого.

Торг наш шел с переменным успехом, капитан все-таки выторговал у меня пистолет и шесть золотых монет, а это очень дорого, поверьте мне. Но зато, кроме двух небольших пушек с запасом пороха и свинцовой картечи – каменный дроб они не использовали, хотя свинец был очень дорог, – я стал обладателем средненькой подзорной трубы и запасного навигационного инструмента капитана. Секстант присутствовал, неказистый, но вполне нормально откалиброванный. Карту капитан не продал, да мне и не требовалось, на память не жалею. К сожалению, пушек с нормальным калибром на этом корабле не было, бортовые я определил как шестифунтовые, а купил двухфунтовые. В принципе мне хватало, размер дула как у пушки. Главное разрешить проблему медленного заряжания и отсутствия подготовленных канониров, но у меня были свои мысли на этот счет. Еще мне нравилось в этих пушках, что их можно использовать на земле. Три человека вполне могут поднять и перенести такую пушку, правда, недалеко. Выглядела она так: литая медная труба, фигурно заклепанная в конце, лафета не имеет, но посередине есть штырь, закрепленный на дуле, который нужно вставлять в специально приготовленное гнездо, и можно стрелять. Причем штырь не жестко закреплен на дуле, а имеет шарниры, так что, установив пушку, дуло

можно опускать и поднимать. Вполне удобно, для нас самое то. Нужно еще сказать, что гнездо должно быть усилено, а то разнесет после пары выстрелов. Такая пушка называется вертлюжной, и большого калибра никогда не имеет из-за специфики применения.

Кстати, пока мы торговались, капитан упомянул о франках. Я-то принимал их за французов, но оказалось, что это другая народность, хоть и родственная, но граничит с Испанией с другой стороны. Это был первый звонок, что я не в своем прошлом.

Отметив отличным вином покупку и отдав фактически последние золотые монеты, – у меня осталось всего одиннадцать штук, это не считая НЗ за покупку боевых холопов, – мы вышли на палубу. Там вахтенный и два вернувшихся матроса приготавливали к транспортировке покупку. Моряков вернулось больше, но остальные были в таком состоянии, что работать не могли. Хорошо, что хоть двое чувствовали себя более или менее прилично и помогли вахтенному.

Когда мы вышли на палубу, меня больше занимал груз, чем окружение, поэтому я не сразу разглядел людей, стоящих у трапа.

– Боярин? – окликнул меня с пирса кормчий Немцов.

Посмотрев на пирс, я заметил его, восемнадцать оборванцев и надсмотрщика.

«Ага, новый экипаж!» – понял я.

– Федор, давай на ушкуй, и гони его сюда. Пристанешь к

борту испанца и перегрузишь груз в трюм. Этот сундучок в мою каюту. Потом судно на место, – стал командовать я. – А я пока займусь новобранцами, и если подойдут, то и покупкой.

– Хорошо, хозяин, – кивнул Федор и стремглав бросился к ушкую.

Пока кормчий работал на ушке, я изучал новичков. Федор не обманул, лишних тут не было. Все оказались бывшими мореходами. Кого на стоянке захватили. Кто с топляком столкнулся, еле выплыл на берег и попал в руки степных татар. Кого взяли на абордаж уже на море. Я быстро познакомился со всеми, в основном это были русские, но встретился один помор. Интересно, откуда он тут взялся? Причем он был не с Белого моря, а с севера. В принципе они мне подходили, но прежде чем вести их к зданию порта, я задал интересующий меня вопрос:

– Кто знаком с огненным боем?

К моему удивлению, сделал шаг вперед тот самый помор. На помора он, кстати говоря, не был похож, обычное славянское лицо, не чукча или эвенк, только лицо более загорелое, чем у других.

– Я, господин. С детства приходилось пользоваться.

– Ну-ка, ну-ка, а вот тут поподробнее, – велел я, пытаюсь понять, как этот помор мог пользоваться огнестрельным оружием с детства, если оно появилось на Руси не так давно. Вон Михалыч, знатный боярин, воевода, и то только слышал

о пистолетах, тюфяки он, конечно, знал, но ружья и пистолы не видел.

– Хотя подожди, потом расскажешь, – остановил я его, заметив, что скучающий надсмотрщик встрепенулся.

Пока мы знакомились, Федор уже пришвартовался к испанцу и начал перегружать пушки и остальное имущество. Убедившись, что все загружено, я отправил ушкуй обратно на место стоянки и вместе с невольниками направился к зданию порта.

После покупки я отвел купленных рабов на ушкуй, без хозяина в Кафу им лучше не ходить, могут возникнуть проблемы. Там дал команде несколько ценных указаний и, прихватив Силантия – он один не был в парной, – направился в бани. Велел людям хорошенько попариться, на тарантасе съездил на рынок, он работал дотемна, и купил три десятка рубах, столько же брюк и поясов. Вдобавок приобрел рулон самого дешевого белого шелка, у меня на него были свои виды. Вернувшись к бане, выгнал команду голышом на улицу и велел одеваться в купленные одежды. Дальше они последовали за нами, шлепая босыми ногами и вертя оболваненными головами, до самого ушкуя.

Несколько таверн в порту обслуживали судовые команды. Не на всех кораблях были камбузы. И чтобы не заморачиваться с готовкой, некоторые капитаны заказывали еду в этих трактирах, оплачивая вперед. Цены были не так велики, так что капитаны баловали своих людей. Трактирные

слуги три раза в день приносили еду на всю команду, и я тоже проплатил эту услугу. Когда мы вернулись, как раз принесли ужин.

Пока команда насыщалась, я зашел в свою каюту, вслед за мной протиснулся любопытный Али.

На стенах появились яркие расписные ковры со сценами охоты и один большой ковер на полу – сам выбирал. Небольшое окошечко вместо бычьего пузыря обзавелось настоящим стеклом. Моя команда со стеклом работать не умела, поэтому тут работал пришлый мастер. Дверь закрывалась на запор, под окном стоял стол, рядом три парусиновых стула.

У двери справа, где было свободное место, будет стоять шкаф, его пока не изготовили. Первую заготовку я забраковал, начали переделывать. Кровать, как я и велел, сделали подъемную, метровой ширины, сейчас она крепилась к стене маленькими цепями, как шконка в ментовке. Ничего не поделаешь – суровая необходимость.

Также в каюте было три сундука. Один довольно большой, для одежды, поменьше – для ценного, и третий, самый маленький сундучок, подарок Родригеса – для инструментов и ценных бумаг. Все имели запоры. Когда их доставили, продавец дал по три ключа к каждому замку.

Каютa мне понравилась. Я взял в специальном креплении на стене медный кувшин, налил свежей воды в стакан и выпил. Жарко, пить постоянно охота, да и сушняк у меня после вина, которым угощал испанец. Вытащив из-за пазухи слег-

ка помятые купчие, я положил их в средний сундук, туда же и ценные вещи вроде драгоценностей, которые были у меня в кошельке.

Обустроившись в каюте и разложив вещи так, как мне нравится, я хмуро посмотрел на масляные светильники – один был жестко закреплен на стене, другой стоял на столе – и решил поменять их на свечи. Все же не так пожароопасно.

Оставив Али в каюте – уставший мальчишка уснул на моей койке, – я вышел на палубу. Команда после ужина работала, перекачивая бочки, чтобы спустить их в трюм, кроме четырех для воды я купил восемь бочек с вином. Понравилось мне местное, отличный букет.

Носили корзины с продовольствием, лепешки, сушеное и вяленое мясо, все это складировалось в специальной каюте на носу. Бочки спускали в трюм.

Посмотрев на споро работающую команду, я окликнул по-моря, кстати, звали его Олег Синицын. Положив на палубу тук с запасным парусом, он подбежал ко мне.

– Да, боярин?

– Присаживайся рядом, – показал я ему на бухту пеньковой веревки. Как только он сел, велел: – Рассказывай, как ты тут оказался и откуда знаешь про огнестрельное оружие. Про огненный бой я имею в виду.

Рассказ надолго не затянулся. Олег нанялся на португальское судно, где цинга выкосила половину экипажа. Когда оно пристало к берегу, им потребовались новые люди. Потом

бой, плен, галера, снова бой, снова плен – и вот он тут. Про огнестрел он рассказал преудивительную вещь. Оказалось, пищаль была в их семье уже более тридцати годков, и у них еще новая, самой старой из тех, что он видел, было за сорок. Пользоваться огнестрелом в деревне умели многие, против волков или медведей самое то. Говорят, бывало и касатку на охоте поражали. Порох и свинец брали у купцов, как я понял, китайских, остальное делали сами. Пищали у них были тоже фитильные.

– Пусть только одна сволочь пикнет мне, что огнестрел впервые появился в просвещенной Европе, в коровьем дерьме вымажу, – задумчиво протянул я.

– Что, хозяин? – переспросил Олег.

– Значит, так. Теперь ты не в команде ушкуя, я назначаю тебя главным корабельным канониром. . . бомбардиром, – заметив, что он на меня непонимающе смотрит, пояснил я. – Пошли, покажу тебе новое имущество, за которое ты с этой минуты отвечаешь.

Мы спустились в трюм, где я велел ему снять парусину с пушек и стал объяснять, что это, для чего применяется и какие теперь у него обязанности. Когда закончил с подробным инструктажем, выходя их трюма добавил:

– Пока один будешь, но завтра-послезавтра получишь пять помощников. Пойдем, покажу, где нужно установить крепления для установки пушек.

Еще час мы вместе с кормчим обследовали все судно, под-

бирая места для установки пушек. Я решил делать на каждом борту, на корме и на носу по два места для крепления пушки. Чтобы можно было работать залпами. Примерно сообщив кормчему и канониру силу отдачи от выстрела и оставив их думать над системой крепления и амортизации, я направился за Али. Время подходило к семи вечера, пора отправляться в трактир.

Для скорострельности я решил сшить из шелка мешочки, куда в нужных пропорциях будут разложены порох и свинцовая картечь. Пыжи заготовим отдельно. Развесовку я решил делать сам, тут нужны практические стрельбы для точного определения количества пороха. Я, конечно, у капитана Родригеса спросил, но нужно было проверить и составить свое мнение.

По моим прикидкам, скорость заряжания между выстрелами повысится раза в два, а то и в три. То есть, пока противник производит один выстрел, я смогу ответить тремя. Правда, тут придется изрядно погонять орудийную прислугу, которой у меня пока фактически нет.

Две каюты на носу я использовал для корабельных нужд, одну для хранения продовольствия, другую под пороховой склад. Там самые удобные места, и не сыро, и нет близкого огня.

Через двадцать минут я определился с планом дальнейших работ, дал задание кормчему и канониру, и мы с Али, прихватив подарки, пешком направились в таверну.

Слуга-кучер, грек по национальности, не был невольником. Он сидел на борту ушкуя и болтал с командой, пока она отдыхала. Лошадь стояла на пристани с торбой овса на голове. Я приказал кучеру забрать нас из таверны через два часа.

Когда мы прошли две улицы и повернули на третью – где находится нужная таверна, мне поведали прохожие, – я услышал отчаянный щенячий скулеж и заметил среди многочисленных прохожих местного мальчишку, который палкой гнал в нашу сторону пушистого щенка. Крупные лапы, шерсть знакомого оттенка, я готов был поклясться, что это кавказская сторожевая. Насколько я знал, они вырастали до метра в холке и весили около восьмидесяти килограммов.

Маленький щенок, его, думаю, совсем недавно оторвали от мамки, месяца точно нет, отчаянно скуля, пытался то забиться под арбу, то спрятаться за прохожих.

– Держи, – велел я Али, передавая подарки. Он тоже с неодобрением смотрел на это неприятное зрелище.

Подхватив подбежавшего щенка на руки, я ухватил мальчишку за ухо и, выворачивая его, ласково спросил:

– Тебе понравится, если я его оторву?

Теперь визжал уже не щенок, затихший, но все еще дрожавший у меня на согнутой руке, а этот самый мальчишка. Он понял, почему я наступил ему на ногу и стал за ухо поднимать. Я сам живодером никогда не был и моральных ублюдков вроде этого болью отучал упиваться чужим страхом. По-другому они не понимали. Я действительно соби-

рался оторвать ему ухо, когда мне вдруг помешали, крепко ухватив за плечо.

Реакция моя была мгновенной, отпустив мальчишку, я присел на шпагат и исполнил один из финтов брейк-данса, отсекая ноги неизвестного противника.

Все это я проделал, бережно прижимая к себе щенка одной рукой. Ухвативший меня мужчина свалился на утрамбованный камень брусчатки. Улочка была узкой, метров пять в ширину, не больше, поэтому нас достаточно быстро окружила толпа, угрожающе покрикивая.

Вскочив на ноги, я взмахнул выхваченной саблей и слегка покрутил ею, отчего толпа стала более миролюбивой и откатилась назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.